

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

На борту крейсера «АВРОРА»

Читайте в этом номере «Смены» очерки «2.203 мили заграничного похода».

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ.

(Как стать мастером и техником)

А. Зорич—Ройко в четыре. Стр. 188. II. 1 р. 25
Р. Григорьев—Дневник учительницы. Стр. 2
II. 1 р. 25 к Роман Гуль—Ведьмы по черной

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСКОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—

КИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 17

СЕНТЯБРЬ

1928

ЧИТАТЕЛЬ, БУДЬ АКТИВЕН!

ОДИН из читателей нашего журнала, тов. Михаил Чимбур из Луанска (Донбасс), пишет в редакцию „Смены“:

„Молодежь нашей фабрики откликнулась на мое убеждение о подписке на журнал „Смена“. Подписалось пять человек с сентября до нового года“.

Тов. М. Чимбур, конечно, не одинок. Многие читатели журнала „Смена“ понимают, какое огромное значение имеет для журнала личная работа по пропаганде журнала, их личная помощь увеличению круга читателей—подписчиков „Смены“. Эти читатели проводят беседы со своими товарищами о журнале, дают товарищам журнал для ознакомления, ставят вопросы, выдвинутые в журнале, на обсуждение своих товарищей. В своих письмах в редакцию эти товарищи просят выслать им рекламный материал в помощь их работе, выполняемой, разумеется, совершенно добровольно.

Редакция „Смены“ получает от читателей много писем по поводу содержания журнала. Читатели пишут отзывы об отдельных номерах журнала, вносят практические предложения по улучшению журнала, указывают темы, которые они считают необходимым осветить в журнале. С целью еще более тесно связаться с читателем, редакция „Смены“ предприняла опрос читателей о содержании журнала. Ответы на анкету, помещенную в № 15, уже по-

ступают. Редакция просит всех читателей, еще не заполнивших и не приславших анкету, сделать это немедленно.

Таким образом, „Смена“ уже имеет кадры активных читателей. Эти активные читатели помогают в меру своих сил делу улучшения журнала. Но совершенно ясно, что этих кадров недостаточно. Большинство читателей „Смены“ должны стать активными читателями.

Если большинство читателей „Смены“ возьмется всерьез за активную помощь „Смене“ и выполнит самую легкую задачу—завербует каждый хотя бы одного нового подписчика на журнал—этим будет сделано большое дело.

Журнал „Смена“ удешевлен до возможного предела. Расширение размеров журнала и улучшение его внешности возможно лишь при условии значительного увеличения его тиража. Если читатели хотят, чтобы журнал мог коренным образом улучшиться—сделайте все от вас зависящее, чтобы увеличить тираж журнала.

Читатель „Смены“, будь активен! Помогай редакции в улучшении содержания журнала и увеличении распространения. Пиши редакции по всем интересующим тебя вопросам. Ставь сам в своем коллективе, своей ячейке вопрос о работе с журналом, об увеличении подписки. Будь сам уполномоченным по распространению своего журнала!

Газета „Классовая Борьба“—орган НСМ Норвегии.

Рассказ В. УРИНА

Я ОТРЫВАЮСЬ от груды накладных, передаточных ведомостей, принесенных на таксировку, и слушаю...
...Облака плывут над морем.
Крепнет ветер, зыбь сильней...

Плывут рядом в кювете, и я знаю, кто поет: Миша Востриков, мой сосед-конторщик госпароходства.

Будет буря, мы поспорим
И поборемся мы с ней...
Я бросаю перо и смотрю в окно, сквозь которое ослепительно-яркое весеннее солнце проникает в кювет и плавит на полу и стенах в переливчатой зыби отражений.

Но песня за стеной умолкает. Минуту тишина, потом хлопает дверь и шаги.

— Можно?
Кудлатая голова Миши просовывается в дверь.

— Конечно, можно...
Миша входит, садится на табурет возле стола, косит глазами на кипу бумаг и вздыхает:

— Вы все работаете? Многовато вам навалили...
— Да, хзвтит, — отзывается я и берушь за счеты:

— Двести сорок два килограмма brutto. Провозной платы 20 рублей. Пристанского сбору... «облака плывут над морем»... Тыфу!

— Что, не клеится? — смеется Миша и добавляет: — а ведь за вами. Аверья Назарыч моторку разрешил взять...

Я встречаюсь с глазами Миши. Плутские глаза бзз с искорками, со смешинкой. Он бет наверняка.

Взгляд на окно, за которым в разное река, взгляд на стол, заваленный бумагами, — и выбор сделан.

Моторка — у пристанских сходен. Она только что из ремонта, белая, нарядная, чистая. На носу — черными буквами название: «Чайка».

Пока мы устраиваемся, доловин Аверья Назарыч поучает Мишу:

— Мотри, не испорти чег. Он тогда, агент-то, со свету сживет...

— Пах-пах-пах! — заговорил мотор. Сизый дымок облачком рсастял в воздухе. Всепенилась вода за кормой.

Миша прибавляет ходу. Лодка, как лошадь подударом хлыста, рывком подается вперед, и вот уже далеко пристань и берег мчитса на встречу, как уго-релья.

На стрелжени — кричит Миша.

На стрелжени белые барашки волн. Лодка вонзается в них с разбега, поет ветер в ушах,

двамя атласными отвалами ложится вода, и мотор четко отсчитывает обороты.

Миша правит в левобережье. В разлив — раздолье там. На двадцать верст — вода и вода такой глубины, что вековые дубы лишь выглядывают своими вершинами, в которых путаются последние заблудившиеся лыжи.

Низкий, трубный звук стелится над рекой.

— Смотри! — толкает меня Миша и кивает в сторону гривы леса, к которой мы приближаемся.

Большой пассажирский пароход, сверкнув на повороте стеклами, показывается из-за лужи.

— Лево на борт!

Лодка выпрыгивает на мгновение из воды. Толчок так силеи, что я еле удерживаюсь на сиденье.

— У-у-у! — предупреждают нас, и взмах белого флага на мостике сигнализирует направление. Но Мишу это мало тревожит.

— Право на борт! — мимо с шумом пронисится белая громада, а лодка прыжком взбिसается на гребень первой идущей волны. Брызги, звонкие, пелуче, осыпают лодку. Давно сорвана ветром фуражка, давно мокро платье, но...

— До полногю! — снова волна белым буруном встает перед носом лодки, ширится, растет и, расколотая пополам, бессильно опадает, и винт за кормой в пену азбиаает ее остатки.

Мы кружим вокруг парохода, все суживая и суживая кольцо.

Я смотрю вопросительно на Мишу. Он стоит, успешившись за руль, и глаза у него — холодные, стальные, устремленные в одну точку.

Он что-то задумал. Но что? Я никак не могу понять. Перевожу взгляд на пароход. На капитанском мостике — волнение. Оттуда что-то кричат в рупор...

Еще поворот. Теперь мы идем почти параллельно пароходу, и вдруг, круто изменив направление, «Чайка», подобно

стреле, выпущенной из лука, — устремляется к нему.

Я понимаю теперь все. Миша хочет проскочить перед самым пароходом, или, как говорит на реке, «срезать ему нос».

Надвигно кричит сирена, но где там! Пароход вдруг вырастает перед глазами, загораяжив небо. Холодная тень падает на лодку. Еще один миг, страшный миг и мы «срезем нос» в расстоянии какого-нибудь метра. Волна хлещет в лодку, а с парохода кричат, и какая-то девушка бежит на корму и машет нам платком.

Я оглядываюсь. Миша стоит, скрестив на груди руки, и лицо у него серое от волнения, а глаза счастливые, счастливые. Мы даем пароходу уйти и тихо ждемся к берегу. После бури всегда наступает штиль. Упоеные победой расслабляют сердце.

Но пристань, старая скрипучая пристань напоминает о действительности. Еще издали я замечаю тучную фигуру пристанского агента.

— Не будет добра... — устало говорит Маша. — Наверно капитан пожаловался. Попадет и Назарыч.

Так и есть. На пристани ждет нас большая проборка. Как напроказившие школьники, сконфуженно пробираемся мы в свои кюветы.

Через некоторое время приходит Назарыч. Мне стыдно, что мы так подвели старика.

— Пустое, пустое, — отмахивается он. — Мне не привыкать, — и вдруг, наклонив и бокаливо оглянувшись на дверь, спрашивает:

— Так вы ему все-таки «срезали нос»?

Миша гордо расправляет плечи и рассказывает, как он «перехватил путь» у этого «разбитого корыта».

Лицо Назарыча расплывается в широкую улыбку.

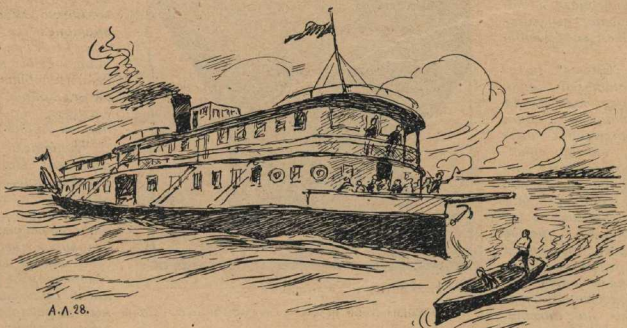
— «Чайка», ребята, — говорит он, плавно рассекая воздух ладонью, — моя она, «Чайка». Сам строил. До винтика махонького все из моих рук... А ход какой!

— Чертовский ход, — подтверждает Миша.

— А легка до чего!

Как перышко.

Скрипит на якорных цепях старая пристань. За окном река и играет с солнцем и плывут облака, величавые, как уходящие в дальнее странствие корабли.

А.А. 28.

Мы «срезем нос» в расстоянии какого-нибудь метра...

Телеграфистка

Стихотворение ИВАНА МОЛЧАНОВА

Катит белые тачанки
Вечер над рекой.
На забытом полустанке
Муторный покой.

Не колышет ветер вязы...
Неказист и мал —
К чаще проволок привязан
Кукольный вокзал.

Ветер выветрил название
На сухой стене.
И маячит изваяньем
Девушка в окне.

Скучно ей, да что поделать?
Уходящий день
Придавил горячим телом
Робкую сирень.

И серень под черным зноем,
Под густой жарой
Сыплет пышное, цветное
На-земь серебро.

А в окне и днем, и ночью,
Сотнями тирад —
Утомительно стрекочет
Скучный аппарат.

Над багровыми краями
Промелькнув едва,
Улетают воробьями
Пленные слова.

И за ними улетая,
Тая синевой,
Никнет девушка простая
Светлой головой.

Никнет ивой омертвелой
На степной заре...
И бегут по ленте белой
Точки да тире.

За курганы, за просторы,
За моря теней,
Где цветет сияя город
Фольгою огней.

Где вечерние досуги,
Шумные края, —
Делят милые подруги,
Милые друзья.

За заставою у клуба —
Песни, шум и гам.
Хорошо теперь и люблю,
Любо, да не нам!

Желтый ветер за болото
Гонит облака...
Мне близка твоя забота
И близка тоска.

Облака ложатся боком
В пепельном шатре...
Снова тянут издалека
Точки да тире.

За рекой о глупом счастье
Догорел напев...
Вот и молодость угаснет,
Вспыхнуть не успев.

Незаметно и не пышно
Отойдет твой день,
Опадет в сад неслышно
Сонная сирень.

Жар и пыль в себя вдыхая,
Хрупкая, как лед,
Может, девушка другая
Аппарат займет.

Ничего она не скажет,
Белая свеча!
И рука спокойно ляжет
К пуговке ключа.

Только ветер неумело
Вспыхнет во дворе.
И пойдут по ленте белой
Точки да тире.

Целый день до самой смены
У горячих рам —
Будут бить в сухие стены
Волны телеграмм.

До семи ли, до пяти ли?..
Вот из двух купав
Две жемчужины скатились,
В аппарат упав.

Пригрустнулось, примечталось,
Ладушка моя?..
В аппарате оборвалась
Белая змея.

У перрона вырос поезд
(Редки поезда!)
И ушел, за степью скроясь,
Может... навсегда!

Сочи — Москва,

июнь — июль 1928 г.

ИГРА В ЛЮБОВЬ

Роман Л. ГУМИЛЕВСКОГО

Иллюстрации

А. ДЕЙНЕКА

(ПРОДОЛЖЕНИЕ) ¹

Содержание предыдущего. Председатель треста Тележников встречается в доме отдыха с девушкой, которая называет себя управкой склада того же треста — Катей Ненюковой. Тележников удаляет образованностью девушку. Тележников наводит справки и убеждается, что Ненюкова — коренная пролетарка. Он хочет выдать девушку на более ответственную работу. Тележников не скрывает своей любви к девушке, но та категорически отказывается как-либо выйдти для себя использовать встречу с ним. Узнав о приезде в дом отдыха других работников склада, девушка спешно бежит из дома отдыха. Приехав в Москву, девушка спешит к некоему Гарри. Она требует от Гарри сходить к настоящей Ненюковой и предупредить ее, чтобы та в случае посещения ее посторонним человеком назвала себя «лучшей подружкой Ненюковой». Сцена встречи Гарри и Ненюковой обнаруживает подлинное отношение Ненюковой каждому слову Гарри. Тележников по приезде хочет видеть личную Ненюкову, но встречается в общепитии настоящую Ненюкову, которая, следуя указаниям Гарри, выдает себя за «подругу Кати» и берет у него записку для неизвестной девушки. Гарри своим идеалом имеет Гарри Палла и обучается «светскому этикету».

Очередным абзацем, на котором застигает наш рассказ замечательную книгу, гласил:

«При поклоне на улице мужчина приподнимает шляпу над головой, про-

Внучив все это наизусть, Гарри раскляпывая со своим идеалом, ласково улыбающимся со стены, не менее шестидесяти раз, до того, как нашел, что движения его плавны и грациозны, в полном соответствии с этикетом светской жизни.

Гарри намеревался уже перейти к столь же тщательному изучению искусства раскляпываться в театрах и на балу, как дверь отворилась, и прежде чем Гарри мог на практике применить свое умение протягивать плавным движением руку по направлению вошедшего, как тот уже был в комнате, жал Гарри руку, без всякого этикета, и рокотал глухим баском:

— Здорово, Гаврюха. Сейчас же, как вернулся, помчал к тебе — нашел под дверью твою записку. Ну, рассказывай, что случилось? Ответ есть?

Гарри повесил свою шляпу, с которой до того упражнялся в искусстве поклона, отложил замечательную книгу, таившую в себе сокровищницу светской мудрости, и только тогда уже обратился к гостю.

— Во-первых, строго сказал он, — я просил тебя звать меня, как все, то-есть Гаррием, а, во-вторых, никакого ответа нет, а имеется одно мое доброе желание тебе помочь. Понял, Виктор Павлович? — с ядовитой вежливостью добавил он.

— Ну, ладно, Гарри, так Гарри, шути с тобой, — согласился тот, — я ведь тебя все по-старому еще крою. Поминишь, как на пруду головастиков ловили, потом полные карманы наполнил, а домой пришли — они дохлые... Нас тогда, как дразнили, поминишь: Саврасов, где Саломасов? А мне кричат: Саломасов, где Саврасов?

Гарри стал еще строже и с брезгливой усмешкой спросил:

— Нет ли в твоей жизни переживаний поинтереснее?

Саломасов был человек добродушный.

— Как же, дружище, есть. Ты знаешь, откуда я приехал?

— Не имею удовольствия, — отвечал Гарри.

— Из Сунска.

Саломасов остановился, ожидая, какое впечатление произведет это сообщение на приятеля, а так как тот продолжал молчать, прибавил:

— Как это тебе нравится?

— Мне вовсе не нравится, потому что я неделю тебя жду, а ты где-то шляешься...

— Чудак! — захохотал тот, — да ведь я и командировку-то взял из-за нашего дела. Я пять пудов глины привез.

— Зачем же это? — без всякого восторга спросил Гарри.

— Чудак, да опыты хочу начать!

Самая подходящая глина. Она рядом с заводом. И без всякого следа каолина. Совершенно тощая глина. Именно на ней и пробовать...

Молодой ученый добрался до одной из любимейших тем.

Гарри это было хорошо известно и так как он считал подобные разговоры пустой тратой времени, то он тотчас же и остановил оратора.

— Это уж химия, а мы с тобой угорворились, — напомнил он, — что мое дело канцелярия и весь бюрократизм, а твое — химия и прочее. Я тебе, как комсомолец, скажу, что хотя меня и исключили там из комсомола, но я готов помочь всякому, раз нужна протекция по канцелярской части... Это ты помни!

Молодой химик вздохнул, глотая невысказанные слова, уже намеревавшиеся на язык, и покорился.

— Ладно, — сказал он, — ну, а что же у тебя по канцелярской части сделано?

— Я ж тебе написал, — с выражением неудовольствия ответил Гарри, — что давай мне твой немецкий журнал, где надо его покажу и двину это дело.

— Ну да, ну, а ты наминал в правлении? Ты справлялся?

— Что же это я бюрократизм буду разводить? За переписку нас не похвалит. Мы боремся с бюрократизмом, с волокитой, а ты — писать. Нет, брат, теперь только если и можно что сделать, так это только по знакомству... Журнал принес, спрашиваю?

Саломасов вынул из кармана ту-журку нарядную тетрадку немецкого еженесячника и положил на стол.

Гарри раскляпывал со своим идеалом

тягивая плавным движением руку по направлению той особи, к которой обращается с поклоном...

¹ См. №№ 13, 14, 15 и 16.

— Ну да, принес, — сказал он, — на. Не только журнал, а и письмо, вот. Надо, что ли? Понадобится тебе?

Он развернул голубой листок, испечатанный хорошей машинкой, и выжидал, держал его в руках, точно расставаясь с ним было жаль ему. Гарри насторожился.

— Какое письмо?

— Письмо по поводу статьи в журнале из одного германского химического общества...

Гарри заглянул в письмо и, сильно пощипав глазами в ровных строчках неведомого языка, спросил:

— Что же они пишут? Все про это же...

— Ну, да. Вот видишь: Herr Professor, то-есть господин профессор, мы прочли вашу статью...

— Погоди, погоди, разве ты знаешь по-немецки?

Саломасов усмехнулся презрительно:

— И какой же выйдет из меня ученый, если я даже немецкого языка не знаю? Я статью-то по-немецки писал или нет?

— Думал, перевел там кто, — наспушившись, пробормотал Гарри, — но почему же ты профессором стал? Ты врешь, не тебе письмо?

— Не мне? — удивился тот, — да зачем же бы я его таскал с собою? Нет мне, чай вот адрес. Я не профессор, да они так величают. Я им написал в ответе, что никакой я к чорту не профессор, а они отвечают, что позволите, мол, вас называть так, из уважения к вашим ученым изысканиям. Ну да чорт с ними. На письмо. Если есть грамотные люди у нас в правлении, так они этому письму поверят скорее, чем моей докладной.

Гарри принял письмо и жадными пальцами поспешно затолкал его в конверт, украшенный иностранными марками, штампами и наклейками.

— Я думаю, — сказал он, пряча конверт и журнал, — что теперь мы дело продвигем. Будь покоен. Занимаясь своей химией, а я буду жать по канцелярской...

Напоминание о химии несколько оживило Саломасова, впавшего в уныние от беседы со своим приятелем. Он поспешно оставил своего приятеля, сославшись на усталость от поездки и необходимость сегодня же переправить образцы глин в лабораторию.

Гарри несколько не задерживал приятеля.

Поручение было выполнено более, чем успешно. Вместе с журналом Гарри засунул в карман и письмо в голубом конверте. Взглянув на своего теску, улыбавшегося со стены, Гарри почув-

ствовал, что не одними лишь бакенбардами приблизился он к своему идеалу, но и теми внутренними совершенствами, которыми он мало-по-малу овладевал.

Счастливым и гордым, исполненным самоуважения, начал он совершать свой вечерний туалет. Судьба присоединила к одной удаче еще и другую — в виде письма, принесенного вечером задыхающейся от волнения и радости Кетти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕЛОВЕК НА ОХОТЕ

1. Несколькo чeрт из жизни Нeтти и ee пoдpуг

Поднимаясь на второй этаж, Кетти встретилась с Саломасовым. Молодой химик при всей своей преданности идеям химизации страны мгновенно забыл о них в присутствии хорошей работницы. Идеи, ничего общего с химией не имеющие, тотчас же захватили его воображение.

— Куда это ты? — спросил он, — к Гавриле? Брось ты эту канцелярскую крысу. Хочешь со мной в клуб? Кетти отвернулась.

— В клуб? Что это я там не выдаю?

— Да там концертник сегодня престель.

— Концертик? Ты бы еще меня на лекцию пригласил. Нет уж, спасибо!

Кетти была в новом шелковом костюме, в розовых чулках и модных туфлях молочного цвета. Все это делало ее похожей на конторскую барышню. Радуюсь этому давно и упрямо желаемому сходству, она не могла удержаться от кокетства. Кокетство, капризный тон и тягучий, расслабленный голос, по ее мнению, были обязательными признаками всякой барышни. Поэтому, когда несколько обожженный студент предложил ей пойти если не в клуб, так на «круг», она протянула:

— Час от часу не легче. Еще что?

Она повернулась, чтобы уйти. Саломасов остановил ее.

— Ну, хорошо, назначай сама.

— Я обожаю только кино, — сказала она.

— Ну, пойдем в кино...

Она крикнула, уходя:

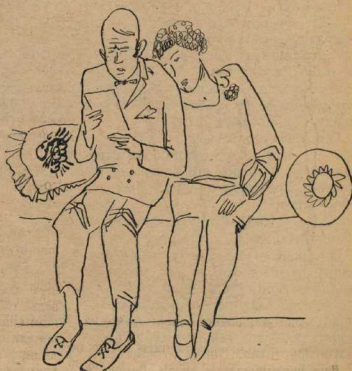
— Ах, сегодня все картины старые. Я все, все видела...

Он посмотрел ей вслед и стал спускаться вниз.

Был вечер; у стен общежития сидели юфтовцы, перекликались с прохожими, с высовывавшимися из окон обитателями общежития. За палисадником, ограждавшим здание, по асфальтовой дорожке, взад и вперед шмыгали парни, поджидавшие девушек или товарищей для вечерней прогулки на «круг», в кино, в клуб, в Сокольники. В зубах у них торчали папиросы, палимые с неистовым азартом. И Саломасову, задумавшемуся о своем, показалось, что за палисадником, снуя не люди, а хрипящие прокурным нутром механизмы, у которых в черепных коробках поставлены маленькие паровички, тупо пыхавшие дымом, войной и гарью. Бросив год назад курить, он остро возненавидел курильщиков, защищающих свое право мешать жить себе и другим.

Молодой химик с досадой быстро пошел прочь.

Он напрасно не дождался еще никого, потому что очень скоро после его ухода вышла на улицу Кетти, оглядываясь и спеша, точно кого-то надеясь догнать и воротить. В этом предположении не было ничего невероятного после того приема, которым была она встречена у Гарри.

Гарри схватил письмо

Не обращая внимания на ее взволнованность, свидетельствующую о том, как она спешила к нему, он довольно скривил губы и спросил:

— Ну? Что еще случилось?

Как-будто бы без случая она не могла к нему явиться!

Кетти подала письмо

— Вот что случилось, — объяснила она, — был какой-то такой длинный, худой и оставил вот это, вот.

Гарри схватил письмо, Кетти обрадованно вздохнула, когда одной рукой обнимая ее, а другою раскрывая запечатанный листок из блокнота, Гарри читал записку.

— Оглично, — бормотал он, — все остается по-старому. Чудесно... Ты, молодец, Кетти! Поцелуй меня...

Кетти подняла покрасневшее личико и потянулась к его губам. Он отвернулся, подставив ей щеку, и ткнул пальцем в бакенбард.

— Сюда, сюда, пожалуйста...

Кетти покорно прижалась губами к колочему бакенбарду.

— Ну, довольно, — сказал он, отстраняя ее, — обрадовалась!

Кетти опустила голову, не зная как поступить. Она отошла к окну, постояла там, дожидаясь, не подойдет ли к ней Гарри.

— Мне некогда, — сухо сказал Гарри, — я спешу...

— А потом? — робко спросила она.

— Что потом?

— Вечером, — слабо пояснила Кетти.

— И вечером и всю ночь буду занят, — резко ответил он.

В этот момент Кетти вспомнила о Саломасове.

— Хорошо, — сказала она, — значит у меня вечер свободный... Тогда я пойду в кино хотя бы.

Гарри насторожился:

— С кем это? — полбопытствовал он, и в голосе его довольно явно преобладала угроза над любовью.

— Не важно, — ответила Кетти, — с кем случится!

Она почувствовала силу своего оружия и не могла удержаться, чтобы не действовать им дальше.

— Меня многие приглашают, — прибавила она, ловко повертываясь на каблучках, — вот сейчас только Саломасов приставал... Пойду хотя бы с ним.

Она направилась к двери. Гарри не остановил ее, и девушка вышла. Она

и в самом деле вышла на крыльцо, с намерением догнать Саломасова. Однако, Саломасов уже ушел. Кетти была рада возможности вернуться домой и потихоньку выплакать свои чувства, зарывшись в подушки или выветрив их в болтовне с подругами, всегда готовыми сочувствовать, советовать, объяснять и убеждать.

Кетти кивнула головой двум-трем соседкам, оглядывавшим ее шелковым костюм, и, не дожидаясь расспросов, скрылась обратно за дверью.

Кетти вернулась домой не во-время.

Подруги ее были слишком заняты, чтобы сочувствовать ей. Однако, возвращение ее было столь неожиданным, что и они не могли не заметить его и не вы-

Кетти вернулась домой не во-время...

разить своего удивления. Доротея шлопала у окна на свету тонкий паутиновый чулок, но оторвалась от спешной работы, чтобы взглянуть на вошедшую.

— Что это ты? — крикнула она, — дома что ли нет?

— Нет, он дома, — грустно кивнула Кетти.

— Значит, никуда не идете? — спросила Мери, — ловко! Вали с нами тогда...

Нелли привстала с кровати и покачала головой.

— Отшивает уже! — коротко заключила она и вдруг, встав на колени и закидывая за голову руки, воскликнула: — Ах, милые! Зачем мы живем!

Кетти прошла к своей кровати и начала раздеваться. Доротея, по летам, росту и грубоватому баску признанная всеми и без всякого предварительного сговора старшей, остановила ее.

— Что это еще выдумываешь?

— А что? — оглянулась Кетти.

— Пойдешь с нами. Нечего торчать тут одной, да слезы распускай. Без Гарри парней много.

Кетти стояла недвижно.

— Надо быть дурой в крупном плане, чтобы в такого втрескаться. Противно глядеть.

Кетти была самой маленькой, худенькой и слабенькой из всех, и от того три подружки смотрели на нее, как на младшую, обязанную подчиниться их опытности и житейской мудрости.

— Все вместе пойдем на «круг».

Доротея кончила работу, натянула чулок на руку, разглядывая.

— Ужасные эти чулки. То и дело рвутся.

— А красота какая? — откликнулась Мери и вытянула ногу, любящую чулком.

Доротея взглянула, сказала с завистью:

— Туфли много значат. С моими, какие чулки не надевай, все виду нет.

— Кто тебе мешает купить шимми?

— На какие шиши?

— Я же скопила себе.

Разговор ожил. Она втянула даже меланхоличную Нелли. Она обернулась к Доротея, сказала угрюмо:

— Поменьше бы жрала, была бы с туфлями.

Доротея внезапно смягчилась. Голос ее упал. В словах ее звучало признание своей виноватости.

— Ах, боже мой: ну, что я могу, когда так всегда есть хочется. Ужас!

Нелли отвернулась:

— Стаким аппетитом лучше не жить.

Кетти не желала быть причиной ссоры. Она вновь застенчиво погубила, сказала грустно:

— Пойдемте. Я иду с вами.

— Ну вот, давно бы так.

Доротея одобритительно усмехнулась. Кетти потупила голову, ей было стыдно, но все-таки она промолчала, оставая в заблуждении подруг: она шла не потому, что согласилась с их доводами.

Ее же собственные доводы сводились к тому, что на «кругу», в Сокольниках, в Бауманском саду или даже просто на улице было больше надежд встретить Гарри, чем у себя в комнате.

(Продолжение следует)

СКАЗКА О ДЕВЯТИ БУМАЖКАХ И ДВУХ КОСАХ

Очерк ИЛЬИ ЛИНА

ПРИНЦИПИАЛЬНО я против бумажек. У кого, конечно, какой вкус. Иному вань да положь бумажку, что ты не крокодил — без бумажки он к тебе веры не имеет.

Но сегодня бумага меня пленила, окончательно убедила. Я все в ее власти.

Были ли вы в селе Ларино, что на Криворожьи? А если нет, то почему? Если же вы были — пригласили ли вы к ларинскому председателю? Крестьянка там председатель. Ну, а как гласит поговорка: «Каков председатель, такая и резолюция».

— Что творится в этом селе? Какие дела раздвигают там комсомолы?

Читатель, конечно, насторожился: — Ну, стало быть, высадили в школе оковы?

— Телке скинларом хвост намазали? — Нет, нет. Позвольте вас, как бы лопатой по лбу, огоршить девятью бумажками:

Бумажка № 1:
«Дана Ларинским сельсоветом нашей комсомольской ячейке в том, что ей была организована группа самообразования из 10 комсомольцев и 16 беспартийной молодежи — эта группа регулярно проводила свои занятия».

Председательство — Станиславская.
Секретарь — Ризанов.

Бумажка № 2:
«Дана сия и т. д. в том, что его организованная ячейка «АЭРОХЕМ», куда втянуто 70 человек, а также ведет подготовительную работу к проведению Дня урожая и с.х. выставок».

Бумажка № 3:
«Дана и т. д., что она через сельбуд провела подписку на 30 экземпляров газеты».

Бумажка № 4:
«Дана и т. д., что своими силами провела два субботника по окоске яды группового сада на две усадьбы, и при школе площадь в размере двух десятин. Также выкопаны ямки».

Бумажка № 5:
«Дана нашей ячейке и т. д., что ею при сельбуде организована секция и втянуто молодежи 60 человек и что бывшие ячейки были организованы и проведены 2 экскурсии — одна в Питкватскую опытную станцию с участием агронома, и одна экскурсия в совхоз б. Невансена с участием 90 чел. сельян».

Бумажка № 6:
«Дана сия и т. д., что 5 человек ячейки ЛКСМ, самостоятельные хозяева, связались с участковым агрономом, под его руководством засеялись поля и сейчас, а также по их примеру начали сеять и окружающие селяне нашего совхоза».

Бумажка № 7:
«Дана сия нашей комсомолке и т. д., что она организовала потреб. кооперацию и втянула 96 чел., а папашки с.х. кооперацию втянула 30 сельян, и 15 папашков с.х. кооперации внесли пай полностью».

Бумажка № 8:
«Дана сия и т. д., что она действительно приняла участие в проведении кампании по обмену лучшего посевного материала и его потравки формально в количестве 1.000 пуд на 100 дворов».

Бумажка № 9:
«Дана сия и т. д., что она действительно принимала участие в организации машинно-тракторного т-ва из 15 семейств и спо-

собствовала передаче им на льготных условиях с.х. машины».

К этим бумажкам немного математика.

Ларинская ячейка выступала на конкурсе. По условиям конкурса премию мог получить тот, кто втянул 20 сельян и 10 комсомольцев в сельхоз, и потребительскую кооперацию, а также тот, кто ликвидировал задолженность 10 папашков.

Что же сделала Ларинская ячейка? Она не только организовала потребительскую кооперацию и вовлекла 96 человек, не только организовала с.х. кооперацию с 30 сельянами, не только организовала машинно-тракторное т-во из 15 семейств, но и ликвидировала задолженность не 10, как этого требовал конкурс, а 15 папашков.

Так 9 бумажек — внешне могут казаться бюрократическим признаком. По существу же в них скрывается живая действительность, которой живет ячейка.

Объединить людей вокруг конкретного дела — это одно. Другое дело — провалить живые дела.

Кто не читал о Илье Муромце? О Муромце Илье, человеке не состоявшем ни в одном физкультурном кружке, сохранилась все же добрая слава рекордсмена по части силушки.

Но представьте себе — идет такой Муромец к финишу, идет, можно сказать, первоклассно, и вдруг — бац — остановился.

— Что случилось?

— Блоха...

— Блоха?

— Как есть она. Залезла коварная за ворот и мешает. Не дает человеку делать серьезное дело. Приходится загнустить руку за ворот и вытаскивать вредительницу на суд и расправу. А тут уж всякий финиш потерян.

Ведется вся эта речь к тому, что эта самая блоха, конечно, не в прямом, а в

переносном смысле, сживает «Муромца» наших дней, прекрасный колхоз, что раскинулся в широких степях вокруг Сталинграда. Крепкий был колхоз. Трактор достал, инвентарь. Мало этого, центральный насос для поливки тоже достал. Да и ребята в колхозе крепкие: коммунар Ляпин, комсомолец Фастов, красноармеец Кузнецов. Ребята — что надо. Три года существовал колхоз и все хорошо было. Премии и отличия получал.

И вдруг... блоха.

Летом прошлого года комсомолки Кузнецова и Фастова (жена членов артели) пошли на работу, полоть сорняки. Дель был жаркий, работалось плохо. Сорняк комсомолки выполнили не ахти как хорошо; и через несколько дней на грядках появились новые ростки. Случилось это потому, что сорняк не выкорчевали, а загребли мотыгами.

Заметил это комсомол-коммунар Ляпин. А те в амбиции:

— Как умеем, так и работаем. Ты жем своей расказки, как полоть нужно...

С этого и пошло. Пришла осень. Плоды детских работ были сняты и помещены в общую кладовую. И летний же дернул членов артели муку поделить на отдельные порции — по семьям. И вот запылала блоха. У Фастова и Ляпина семьи по количеству душ одинаковые. Но все-таки Ляпин муку свою скорее с'ел. А в это же время у Фастова, по данным некоей контр-разведки, запасы были еще велики.

Начались шутки, наехали... Стали люди ходить вокруг оков да поглядывать, что что делается... Очередное событие, оставшееся не совсем выясненным, отмечено несколькими ключами скромных прищесков жен артельщиков и легкими царапинами. И теперь Ляпин заявляет:

— Пахать и сеять вместе, а косить, убирать и возить — каждый себе. Начать с этого, а дальше и трактор на кусочки поделить придется.

Бот вам и блоха.

Мы в комсомоле много говорим о спайке, об объединении ребят вокруг конкретных дел. Две комсомолки, вцепившись за косы, развалили колхоз. Поучительно, хотя и печально.

Сельхозоммуна «Днепровка» в Брянской губернии. Номмуна объединил 165 еднов. «Днепровка» имеет 25 лошадей, 51 корову, 45 свиней, 70 ульев, 2 трактора, сепаратор с масляной, паровую мельницу. При номмуне имеется школа, детский госп, ветлечебница, клуб и т. д. На селяне: комсомолы номмуны расчищают площади

НА КРЕЙСЕРЕ
„АВРОРА“

Обучение в противо-
газных масках

2203 МИЛИ ЗАГРА-

(КРАСНОЗНАМЕННЫЙ КРЕЙСЕР)

1. ЧТО ТАКОЕ СКАНДИНАВИЯ?

КРАСНОФЛОТЕЦ стоит перед картой. На карте Балтика и Скандинавия. Красной чертой отмечен на карте путь, уже пройденный «Авророй» за несколько дней. Каждый день удлиняется красная линия похода «Авроры». За каждые сутки «Аврора» уходит от Кронштадта на 400 с лишним километров. Огромное большинство краснофлотцев участвует впервые в заграничном плавании. Правда, «Аврора» ходила в заграничное плавание в 1925 г., когда она посетила гор. Берген (на севере Норвегии). Но с тех пор прошло три года, и за это время личный состав команды кораблем образом изменился — в Красный флот влились новые пополнения краснофлотцев. «Заморские дяди» для них совершенно незнакомые страны.

Конечно, у краснофлотца есть общее представление о Скандинавии. Все же одно — видеть на карте шведский остров Готланд, другое — стоя на палубе, рассматривать главный город острова Готланд — Висби, мимо которого идет «Аврора». Целый ряд вопросов возникает у краснофлотцев — что это за город и остров, сколько жителей и чем они занимаются, каковы здесь средства сообщения и т. д.

Счастливцы, подучившие в руки на секунду бинокль, рассматривают старинную пиратскую крепость Висби, кирпич, высеченные домики и слушают о давно прошедших временах, когда на этом острове жили средневековые балтийские корсары, поджидавшие очередную жертву — «торговца» — торговое судно.

Краснофлотцы всячески стремятся получить полное представление о тех странах, мимо которых лежит путь «Авроры» и о тех странах — Норвегии и Дании — которые предстоит посетить крейсеру и осмотреть столицы которых — Осло и Копенгаген — сможет краснофлотец за недолгие два-три дня стоянки в заграничном порту.

Руководители заграничного похода крейсера «Аврора» сделали все возможное для

того, чтобы обеспечить краснофлотцам это ознакомление. Кроме специальных карт похода, развешенных в корабельных помещениях, в клубе краснофлотцев висят красочные диаграммы и плакаты, наглядно рассказывающие краснофлотцу — с какими странами он встретится за время похода, что представляют собой эти страны. Об этих странах рассказывает краснофлотцу также комполитсостав похода в беседах за красными столами. Все вопросы, встречающиеся перед краснофлотцами в связи с заграничным походом, не остаются без ответа. Краснофлотец приезжает в чужую страну, имея представление об этой стране.

Рядом с картой похода висит бюллетень плавания. Бюллетень похода — это большая стенная газета, выходящая ежедневно. Этим не может похвастаться ни одна сухопутная комсомольская ячейка. Ежедневная большая стенная газета.

Часть места (меньше половины) в стенной газете-бюллетене занимает очередная информация ТАСС, принимаемая по радио. Краснофлотцы в походе, лишенные обычных печатных газет, все же имеют возможность следить без опоздания за важнейшими текущими политическими событиями, новостями о работе завода «Красин» (я кришу, спасение «Монго» Серватис), работой VI конгресса Коминтерна и т. д. Другая половина ежедневного бюллетеня посвящена бытовым заметкам, самокритике (краснофлотцы помогают своим заметкам руководителям улучшить работу на крейсере, критикуют свою культуру), статьям о задачах и ходе плавания.

Разъяснению краснофлотцам задач заграничного похода «Авроры» было уделено руководителями похода огромное внимание, и проделана для этого большая работа.

На «Авроре», кроме обычного кадрового состава, едут курсанты ленинградских военно-морских училищ. Поход «Авроры» не есть учебная прогулка. «Аврора» идет в поход с учебными целями, краснофлотцы, в особенности курсанты вызов получают возможность в обстановке длительного и ответственного плавания проверить на практике свои теоретические познания в области военного морского дела. При ходе на берег краснофлотцы должны будут показать, что это приехали представители великого Советского Союза. По поведению краснофлотцев в Норвегии и Дании будут судить о СССР. Знание краснофлотца объясняет и примерному поведению.

Об этом говорилось на ряде общих собраний команды крейсера — представителями Революционного Балтийского и руководителями плавания — начальником учебного отряда имузом т. Радлем и комиссаром отряда т. Волковым. Об этом говорил краснофлотцам т. Коллонтай — полпред Советского Союза в Норвегии, приехавшая на крейсер по пригласению его в Осло.

С 12 часов 2 августа в Осло развешалось знамя Советского Союза с орденом Красного Знамени в верхнем левом углу.

Команда крейсера произвела перед т. Коллонтай артилле-

Полпред СССР в Норвегии т. Коллонтай

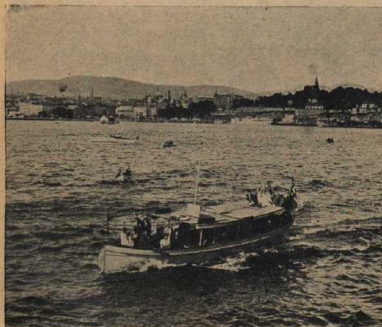
рийское учение, и т. Коллонтай сообщила, что она с большим удовлетворением отмечает огромные успехи, достигнутые краснознаменными крейсерами в 1925 г., когда она осматривала «Аврору» в Бергене.

2. В ОСЛО И КОПЕНГАГЕНЕ

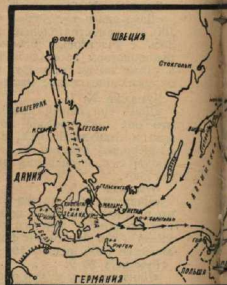
Как в Осло, так и в Копенгагене краснофлотцам предстояло серьезнейшим экзамен. Краснофлотцы должны были показать, что моряки советского военного флота своим поведением при ходе на берег кораблем образом отличаются от моряков военных флотов буржуазных го-

Д. Л. Коллонтай на крейсере «Аврора»

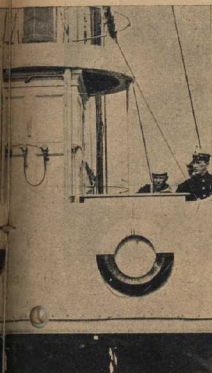
Норвежские рабочие приветствуют приход крейсера «Аврора» в Осло

Карта заграничного похода

НИЧНОГО ПОХОДА

«АВРОРА» В НОРВЕГИИ И ДАНИИ)

Ведет речь перед краснофлотцами

сударств, которые на берегу пьянствуют, хулиганят, дерутся. Наши краснофлотцы в Осло и в Копенгагене вели себя вполне прилично. Об этом были вынуждены написать местные газеты, даже буржуазные. Об этом говорили норвежские и копенгагенские рабочие, получившие возможность сравнить поведение наших краснофлотцев с поведением матросов капиталистических стран.

Крейсер «Аврора» привлек к себе огромное внимание в Осло и в Копенгагене. Уже задолго до его прихода на набережных стояли, ожидая его прихода, тысячи рабочих. Когда было объявлено о том, что на крейсер для

Похода крейсера «Аврора»

его осмотра будут допущены экскурсии, наплыв огромного количества желающих поехать на крейсер.

Краснофлотцам пришлось взять на себя нелегкую задачу — не зная норвежского и датского языков, объясняться с экскурсантами, показывая им крейсер. Кроме того, краснофлотцам хотелось познакомиться с норвежскими и датскими товарищами и узнать от них интересные факты или другие подробности о скандинавских странах. Некоторые краснофлотцы обладали немалым знанием немецкого языка, особенно учащиеся военно-морских училищ. Но здесь надо знать норвежский или датский язык, а в СССР вообще редко можно встретить знающего скандинавские языки.

Краснофлотец хочет знать, кто его сосед, где он работает, и припоминает одно из немногих немецких слов, которые он знает: «карбейтер» (рабочий). И он произносит это слово «карбейтер», показывая вопросительно на своего соседа. Тот оживляется, наконец, понимает и произносит: «я, я, арбейтер, типограф», что должно означать: «да, да, рабочий, работаю в типографии». Таким путем постепенно происходит полное знакомство друг с другом, выясняются вопросы о получаемой норвежцем месячной заработной плате, стоимости хороших коньков в Осло и ряд других вопросов.

В Осло «Аврора» стояла четыре дня и в Копенгагене — три дня. Срок, конечно, очень небольшой. За этот срок краснофлотцы не могли осмотреть, как следует эти города и ознакомиться вплотную с жизнью и бытом норвежских и датских рабочих. Все же и за этот срок многие краснофлотцы побывали в гостях у рабочих, будучи приглашенными последними. Краснофлотцы могли составить себе общее представление о жизни в капиталистических странах.

Краснофлотцы смогли продемонстрировать в Осло и в Копенгагене перед рабочими свои спортивные достижения не с плохим результатом. Датской футбольной команде, выставленной против «аврорцев», не удалось разбить наших моряков, и игра кончилась ничью (3:3).

В честь краснофлотцев местными рабочими, коммунистическими организациями устраивались встречи и в Осло и в Копенгагене. Особенно хорошо прошел вечер, устроенный датскими коммунистами.

Посещение Осло и Копенгагена краснознаменным крейсером произвело самое благоприятное впечатление на норвежцев и датчан и имело большое значение для налаживания дружественных отношений с этими странами. Краснофлотцы показали, что плановость и организация, проводимые Советским Союзом при организации экспедиции ледокола «Красин», свойственны всему Красному флоту.

Пение «Варшавянок», «Интернационала», красные флажки на пародах и катерах, плавающих переполненными народом вокруг «Авроры» перед ее уходом — так тепло прожигали скандинавские рабочие доблестный крейсер «Аврора», тот самый, который выстрелял по Зимнему дворцу в октябре 1917 года облегчива большему свергнуть правительство Керенского.

НА КРЕЙСЕРЕ
«АВРОРА»
Утренняя уборка:
«драут» (моют)
палубу

Датские и норвежские рабочие своим огромным вниманием, проявленным к крейсеру «Аврора», выявили свои симпатии к Советскому Союзу.

3. ДИСЦИПЛИНА И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Секретарь комсомольского коллектива на «Авроре», насчитывающего 80 человек (половина из них партия), рассказывает:

— Пострелился я когда-то с одним парнем на берегу. Ему очень понравилась моя форма. Я пошутил над ним, сказав ему, что он, если пойдет во флот, через три года станет капитаном. Парень, как потом оказалось, всеми правдами и неправдами, постарался попасть призыве во флот. Получаю я не так давно от него письмо. Крест в письме парня, вся отборными словами: не то, что через три, — через тридцать лет и капитаном не стану.

Безусловно, запрещены на кораблях хранение и употребление вина и игра в карты. Зато в помещениях команды мы видим громкоговорители радио, в кают-компании сыгрывает струнный оркестр, в каюте лежат свежие газеты и журналы, в библиотеке есть новые книги, на креслере устраиваются даже кино-сеансы.

Дисциплина на кораблях Красного флота очень строгая. С раннего утра начинается трудовой день краснофлотца — уборка корабля, учебные занятия.

Бывали случаи (рассказывает комсомолец), когда только что приехавший с берега во флот парень обижался, когда его посылали чистить гальюн (уборную):

— Вель, я же был членом губкома. И меня, в уборную!

Но потом свыкался с корабельными порядками, дисциплинировался, учился, становился примерным краснофлотцем.

В парском флоте царствовала палочная дисциплина, в Красном флоте — краснофлотцы сами налаживают сознательную дисциплину. Поэтому так и отличалось поведение наших моряков на берегу в зарубежных портах от поведения моряков буржуазных флотов.

Г. Ярцев.

Иностранцы гости на борту «Авроры» — датские солдаты, матросы и пионеры с краснофлотцами

ДАЕШЬ КОНВЕЙЕР!

Очерн Г. ГАЙДОВСКОГО

Я СНЫМ солнечным днем сидел я в скверике на Вятской улице. Мягко шелестели деревья, доносились гудки паровозов с Савеловской ороги.

В обеденный перерыв сюда пришли отдохнувшие работницы с соседней фабрики. Не нужно было расспрашивать откуда они, а рядом ведь не мало заводов и фабрик. Их сопровождала острый запах парфюмерии, и на деде подтвердилось, что они с «жизневской «Свободы». В белых косынках и халатах они четко выделялись среди зеленых. Сразу можно подумать, что радом больница, что они заболели сестрицы и няношки, вышедшие погулять. И это сопоставление не будет ошибочным, потому что многие из них в дни праздника действительно надевают на руку повязку с красным крестом, чтобы продемонстрировать свое участие в кружках «красных сестер». И еще «отчасти» верно и потому, что эти самые девушки летят и притом довольно охотно свое производство.

— Вы знаете, приходится самим по цехам бегать, собирать нужное оборудование, — говорила мне одна из моих собеседниц — участница комсомольского коллектива по рационализации производства.

К вечеру, после работы, сотни юных работниц сфабрики ТЭЖЗ разпыляются по школам, клубам, спортплощадкам, киношкам. Они унесут с собой терпкие ароматы, которые поистине являются их мучением. И если вы когда-нибудь в трамвае № 27 увидите девушку, которая благоухает всеми запахами, которые известны вам, то не делайте слишком поспешных выводов о скверном вкусе, не поводите презрительно носом. Уверю вас, что эта девушка с громадным наслаждением избавилась бы от запахов, которых не смоешь никакими духами (кстати сказать, на фабрике они бездействуют). Вам не придет в голову, что этот запах разрушает связистую оболочку носа, что пудра также служит причиной профессиональных заболеваний.

И вот, когда вы пройдете по фабричным залам, когда вы побываете в комсо-

мольской ячейке, где секретарь т. Саонова вам расскажет о повседневной жизни комсомольцев, когда вы посидите в столовой, где печально вьнут пыльные пальмы — перед вами вырастет ясная картина, как молодежь толкает вперед дело, как крепко борется она за улучшение своего производства. И если нас действительно интересует их работа, пойдите в отделочный цех, где быстро мыла, где выстраиваются рядами флаконы. Там в углу сидит первый комсомольский коллектив. Пойдите возле них, побеседуйте с ними, если они захотят оторваться от работы.

Эту фабрику построил француз Альфонс Ралле. У него работало 900 человек рабочих.

С тех пор многое переменялось.

Ралле никак не думал, что рабочие окажутся хозяевами его фабрики, что

Мастер варочного цеха т. Лепешкин, проработавший на заводе 39 лет

Картонное отделение. Склеивание коробок для зубного порошка

фабрика примет название «Свобода» и что страна, во главе которой стали рабочие, сможет так значительно расширить производство, довести количество

рабочих до 2.000 человек и увеличить выработку в 6 раз.

На заводе 67% рабочих — женщины.

В светлых залах, где гудят мощные вентиляторы — сотни девушек в белых косынках, белых халатах.

Видно методичное мельканье многих рук.

Взята коробка, советчик погружен в пудру, и вот коробка наполнена.

Кто-то другой наклеит этикетку. Готово!

Видим мы, что некоторые работницы обвязали лицо платками.

— В чем дело?

— Пудра, зубной и мыльный порошок, вырабатываемые в этом отделении, несмотря на вентиляцию, попадают в дыхательные пути.

— Позвольте, а специальные распыриватели?

Работницы смеются:

— Самая надежная. В них дышать совсем невозможно.

Приносят маску. Пробуем дышать через нее и легко убеждаемся, что это можно сделать с большим трудом. Истрачены немалые средства, а ни одна работница не пользуется изобретением какого-то доусужего изобретателя.

Правда, что и сами работницы не совсем следят за своим здоровьем. В наиболее вредном отделении — пудренном — устроены специальные пылесосы, возле которых работницы должны работать. Но они всегда салятся как попало, так что пылесосы работают впустую.

С грузового автомобиля выгружаются бочки с салом. Когда-то их бросали в бак, разбивали, и сало вытиралось, в значительной степени загрязняясь. Сейчас в каждую бочку вставляется трубка, подающая пар, и сало течет в резервуары чистое. Оно по особым трубам подается в громадные чаны.

Нас обдает жаром в помещении, где полуголые рабочие следят за варящимся мылом. Пар клубами вьется над чанами, и напрасно громадный вентилятор силится дать свежий воздух. Пока кипят и пугаются мыло, здесь жарко.

Но вот мыло сварено. Когда-то для этого требовалась неделя, а сейчас весь процесс варки заканчивается за 24 часа. Пришло установить четыре смен.

Мыло по трубам бежит в сушильную машину, выполняющую из-под громадных барабанов в виде тонкой стружки. В вагонетках через тесный туннель передается мыльная стружка в следующую отде-

Отделочный цех. Старая система упаковки. Наидля работница производит всю операцию, завертывая мыло в несколько слоев бумаги

ние, где ощущаются острые запахи. Здесь происходит окраска и отдушка мыла. Затем мыло попадает в агрегаты и ползет длинной колесной, которую режут на куски и штампуют. Мыло готово.

Сложные процессы проходят изготовление духов. Специальный химик француз сидит в лаборатории и тщательно изучает взаимоотношения эфирных масел. Мы с особенным интересом наблюдаем за этим чудесом, познавшим тайну всех «букетов». Его работа граничит с искусством. Он составляет букеты, которые потом красуются за стеклами витрин в изысканных флаконах.

В упаковочном отделении работают почти исключительно вручную. Но и здесь сами рабочие изобретают машины, которые должны упростить работу. Так, например, рабочий Уральский построил конвейер, механически разливающий помаду.

Тут же за отделением столом расположились первый комсомольский коллектив. Комсомолки не только говорят, но и делают.

До сих пор все рабочие работали отдельно, каждый, так сказать, за свой риск и страх.

Сейчас комсомолки решили объединиться в коллектив и показать, как можно поднять продуктивность. Они успели внести кое-какие изменения в существующие способы упаковки, значительно упростили их.

Коллективная работа должна рационализировать отдел заготовки репейного мыла. Например, до сих пор всю операцию по отделе фасовочного производства одна работница, теперь же каждая на рабочем месте делает одну из промежуточных операций.

Конвейерная система должна дать увеличение производительности не меньше чем на 50%. Конвейер несколько уменьшит заработок, но молодежь пошла на это, чтобы точно установить все достоинства нового способа выработки.

Комсомолки рассказывают, что встретили их не особенно сочувственно. Работницы говорили:

— Ишь ты, комсомольская бузотерия что-то налаживает!

— Известное дело — шпана оголела. Они молодые — им терять нечего.

— Понятное дело — норму собор.

Подходили к коллективу. Смотрели недоверливо. Казалось им, что кто-то посягает на их заработки.

Сейчас совсем другое отношение. Работницы сами помогают молодежи. Пример комсомолцев несомненно найдет отклик.

Если вы думаете, что комсомолы с «Свободой» не имеют теневых сторон, то вы ошибаетесь. Мы совсем не склонны преувеличивать. Да, именно комсомол рационализировал производство; да, именно комсомолы утверждают на фабрике конвейерную систему; да, это они сулят увеличение продукции на

50%; да, именно комсомолки идут на курсы кройки и шитья, это они издали стеногазеты.

Но все это не мешает целому ряду комсомолок маневрировать общественной работой, увлекаться той самой парфюмерией, которая, как казалось бы, должна им опротиветь.

И если некоторых комсомолок угнетают приличные ароматы («серые ли», — говорила одна, — по улице слышно итти»), то другие весьма охотно злоупотребляют парфюмерией.

Об этом говорили не однажды. С этим борются. Секретарь ячейки жаловалась мне:

— Все у нас хорошо: и ячейка крепкая — 262 человека, за последнее время вступили еще 30 ребят, да вот мешают одно дело.

— Что так?

— Серьги начали девчата надевать.

Прямо беда. Что не день, то новая. Мы и то уже им говорим: «вы бы еще в нос кольца вставляли». Вот комсомолка Владышева носит цыганский костюм, серьги до плечей, размырив из себя цыганку. Взяли ее ребята в обработку, только толку мало. А такой пример дурно влияет на беспартийную молодежь. Также и с косметикой. Мажутся очень многие. Делали доклад, приглашали врача, он объяснил вред косметики, ничего не помогает.

Однако, директор завода Артобаский говорит:

— Комсомолы у нас на-яты! Главные застрельщики. За последние два года комсомол выровнялся, понял, что такое производство, «повернулся к нему лицом». Сейчас комсомолы являются инициаторами всех проводимых мер по рационализации производства. Конвейерная система проводится почти исключительно при помощи комсомолов.

Ученицы фабзавуча в химической лаборатории

Комсомолы говорят:

— Окончившие школу фабзавуча используются не по специальности. Вместо того, чтобы поставить в соответствии с их квалификацией, их заставляют делать подсобную работу — бочки таскать.

Артобаский отвечает:

— Фабзавучники думают, что они стали мастерами. Им рано думать об этом, а надо раньше применить свои знания на практике. Бывает, что приходится им работать и не по специальности. Но это потому, что мы не можем сразу всем предоставить соответствующую работу.

Однако, фабзавучница Шинкина сейчас работает помощником помываго. Она настолько повысила свою квалификацию, что на нее часто оставляется варение помады.

Комсомолы охотно учатся. Сейчас на учебе 130 человек, очень многие посещают школы кройки и шитья. Но это актив. Остальные очень мало уделяют времени общественной работе, а больше интересуются всякими гуляньями, надевают бархатные платья с невероятными декоратами.

Любят комсомолы театр.

А какой?

— Тот, куда не пускают. Художественный, Большой, Малый. В эти театры достать билеты почти невозможно.

Давно мечтали комсомолы посмотреть «Бронепоезд». Наконец добились. Пошло 30 человек в... Аквариум. Ушли со спектаклем совсем недовольные. А в Художественном театре посмотреть эту пьесу так и не удалось.

Отделочный цех. Конвейерная система. Куски мыла движутся от формовочного аппарата по бесконечному полотну. Работница производит только одну операцию, завертывая мыло в одну обертку

Работа кинит. Комсомолы «дадут конвейер»

В дебрях

Приморья

От Советской гавани
до Хабаровска.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)¹

В многочисленных письмах и анкетах, присылаемых в редакцию журнала «Смена», читатели журнала приветствуют почтение интереснейших записок В. К. Арсеньева — «В дебрях Приморья», рисующего с большой занимательностью одну из неисследованных местностей СССР. Перед Приморьем большая будущность.

Кочевания по климатам

Перевала через Сихотэ-Алинь наш отряд достиг к вечеру 21 июля. На нем я нашел доску с надписью: «Перевал Русск. Географ. Общ. 28 марта 1939 г. В. К. Арсеньев, казак Крылов, стрелки Марунин, Рожков и Гусевых». Рядом с ней я прибил еще одну доску, на которой мы вырезали следующую надпись: «21 июля 1927 г. В. К. Арсеньев, А. И. Кардаков, П. Хутунга, Ф. Мулинка, А. Намука и С. Гоняка». В тот же день мы спустились с гребня Сихотэ-Алиня и встали биваком около моего старого астрономического пункта в истоках р. Цзаво, впадающей в Диньми и входящей в бассейн Амура.

С переходом через Сихотэ-Алинь мы сразу попали в начало осени. Где-то на деревьях листья уже начинала желтеть. И немудрено! Во-первых, мы были довольно высоко над уровнем моря, во-вторых, во времени мы опять как бы перенеслись вперед.

После перевала переход от охотской флоры на восточном склоне Сихотэ-Алиня к маньчжурской я в бассейне р. Диньми был очень резок. Уже в 18 километрах от водораздела начал попадаться тополь таких размеров, что из него можно было долбить лодки.

По порогам Диньми

Река Диньми длиною около 70 километров и течет к северо-западу между отрогами Сихотэ-Алиня. Западнее главного водораздела, параллельно и в значительном расстоянии от него проходит очень древняя и сильно размытая горная складка, спускающаяся из кристаллических сланцев и представляющая из себя первоначальную земную кору, в образовании которой участвовали огонь и вода. Складка эта является той древнейшей осью, около которой впоследствии сложились современный Уссурийский край. На р. Диньми можно видеть прекрасные обнажения этих сланцев. В местах обвалов образовались красивые гроты. Ниже их с правой стороны тянется высокий скалистый берег, спалающийся из сильно перемятых гнилых сланцев, имеющих мелко плитчатую или листоватую отдельность. Плиты сильно изогнуты, местами опрокинуты и даже поставлены на голову.

Там, где река Диньми прорезает их, в ущелье образуется опасный порог, где вода идет со скоростью 18 километров в час. Как беженый зверь, она бьется о

Обитание лодки на р. Иولي перед спуском ее на воду

Порог на реке Диньми, где река прорывает толщу кристаллических сланцев

ОТ ЗАТЯЖНЫХ дождей вода на Иоле стояла высокая, и это принудило нас держаться левую кручу долины. Пришлось карабкаться через многочисленные непропуски. Большие препятствия для передвижения создавали заросли богудыника, чрезвычайно ветвистого и густо облиственного, с очень сильным смолистым запахом, также кустарниковая береза Миддендорфа и кедровый сланец.

Первая долбанка

Когда река сделалась достаточно многоводной, мы стали высматривать тополя таких размеров, чтобы из него можно было выдолбить лодку, но такого дерева нигде не встречалось. Это принудило нас идти очень долго пешком. Наконец, 3 июля желанное дерево было найдено. Туземцы срубили его с особыми заявлениями, потом сняли кору и, отмерив ствол необходимой длины, отделили комель и вершину с ветвями. Затем они обконали края и диньси, выдолбили внутренность лодки и на третий день спустили ее на воду. Изготовление шестов и весел не отняло много времени.

Спуск по течению порожистой реки гораздо опаснее подема против воды. Надо внимательно и далеко смотреть вперед и заблаговременно принимать меры, чтобы не разбиться о камни или не попасть под плавник, зарождающийся главный форватер в таких местах, где река разбивается на протоки.

Иоли длиною около 80 километров, она течет к ЮЮЗ и делает большие изгибы. Там, где река прорезывает отроги высокой горы «Инда-Иласа», она имеет вид заманчивого ущелья с резко выраженным порожисто-каскадным характером. В нижнем течении Иоли была спокойнее, но зато плавника было больше. Где можно, мы разбавляли его с помощью топоров или перетаскивали лодку на руках через замосы.

8 июля экспедиция достигла реки Копи, из дельты около скалы «Омоко Мамача» мы увидели красный флаг с надписью: «Шлем привет и желаем счастливого пути». Это была база, устроенная для нас лесной стражей.

Скалы «Омоко Мамача», если смотреть на них со стороны устья р. Иولي, представляются руинами древнего замка, заросшими буйной растительностью. Некоторые утесы имеют чело-векообразную форму. Ороши сиваюти их окаменевшими людьми, которые раньше были в истоках Копи около Сихотэ-Алиня, а потом передвину-

лись к устью реки Иои. Все проезжающие мимо человекообразных камней оставляют у подножия их какие-нибудь приношения и совершают моления с просьбой послать им удачную охоту и счастливое окончание пути. От р. Иои мы пошли вверх по р. Копи и затем свернули в левый верхний приток ее р. Иту. Подем по этой последней производился беспрепятственно до 16 июля, но начиная с местности Гаду русло реки тоже стало с местными плавниками. Три дня экспедиция прорубалась в замосах и медленно пробиралась вверх против воды. В долине р. Иту характер горной страны выражен очень резко. Острокопечные лесистые сопки с глубокими седловинами и узкие расщелины с шумящими ручьями имели живописный вид, но красота эта была суровой и не смягчалась растительностью, разросшейся как в долине самой р. Иту, так и по склонам гор. Все это были предвестники маньчжурской флоры, проливающей сюда с юга зловеще берега моря и с запада через Сихотэ-Алинь — маньчжурский язык, монгольский дуб и корейский кедр. 19 июля мы бросили лодки и опять пошли с котомками за плечами.

¹ См. №№ 15 и 16.

Доска на дереве у переката через Сихота-Алинь с фамилиями участников экспедиции

прибрежные скалы, прыгает с камня на камень, извергается вниз пенящими каскадами и в течение веков медленно, но неистово размывает мощные толщи сланцев, сложившихся много миллионов лет тому назад. От шума воды на перекатах нельзя говорить обычным голосом, надо кричать на ухо друг другу. Ниже русло реки завалено камнями и тоже на значительном протяжении представляет собой широкий мелководный порог, где вода идет с ропотом и торопливо, как бы негодую на природу, которая хотела создать ей препятствия на пути к Амуру.

Около порога мы остановились в нерешительности. Как бы? Спускаться по каскадам опасно, а перетаскивать лодки с грузами через высокие скалы невозможно. Завесил все за и против, орочи решили рискнуть и плыть по воде. Едва мы оттолкнулись от берега, как быстрое течение подхватило нашу уютную ладью и со скоростью повела посылку ее на порог. Мимо мелькали берега, камни, кусты и наивысшие над водою деревья. Справа и слева из реки высывались камни, оббиваемые водою. Белая пена и волны окружали нас со всех сторон и точно бежали впереди с лодкой. Мы решились на отчаянный шаг. Это было рискованное предприятие, но другого выхода не было. Если бы со стороны какой-нибудь наблюдателя мог бы взглянуть на наши лица, он увидел бы их бледными, увидел бы плотно сжатые губы и широко раскрытые испуганные глаза. Лодка качалась, прыгала через каскады и накрывалась то на один, то на другой бок. Вода заливала ее, но мы мчались вниз с головокружительной быстротой. Орочи стояли на ногах и шестами отталкивались от камней, которые, как живые, вдруг появлялись из воды в непосредственной близости и как-будто соперничали между собою в желании, по что бы то ни стало препардить нам дорогу. У меня закружилась голова. Вдруг лодка сразу осела вниз. Холодный душ обдал нас с ног до головы и заставил меня вскрикнуть. Вслед затем лодка выправились; течение сделалось спокойнее — шум стал стихать, отодвигаясь куда-то назад. Только тогда я увидел, что сияю более чем покоем в воде. Орочи свернули к берегу и подошли к галечниковой отмели. Они втащили немного нос лодки на камни и принялись берестяным ковшом выкачивать воду через корму.

Надо было покурить, отдохнуть и просушить намокшую одежду. Я переобулся и пошел вдоль берега. Ниже по течению галечниковая отмель переходила в свои ила и песка, нанесенного сюда большою водою. На них я заметил два свежих следа: тигровый и изобринный и один старый — медвежий. В это время я увидел Геонка. Он шел и с особым вниманием что-то рассматривал на земле. На лице его я прочел выражение тревоги. «Амба хокчон (тигровый след)», — сказал я ему по-удайейски. «Посмотри сам», — ответил он мне и указал рукой на узенькую полоску на песке, как бы оставленную длинной тонкой щепкой. Быть может, это был след змеи или что-нибудь еще в этом роде. Я высказал вслух свои соображения. «Тёбе понимаю нету», — ответил он мне и продолжал на своем родном языке: — «Ын сугала хоктони Багдыхе» (т-е. это след лыжи Багдыхе).

Затем он громко крикнул, и тотчас отозвался звуком эхо: сначала вперед, потом сзади нас, потом опять далеко вперед, словно кто переключился в тайге. Эхо перекатилось через весь лес и замерло где-то в горах. Геонка стоял, повернув немного голову в сторону, приоткрыл рот и вслушиваясь в эти странные звуки. Когда последний отголосок замер, он торопливо пошел к лодке и что-то по лодке стал говорить другим орочи. На лицах их тоже выразилась тревога. Они поспешно начали стаскивать лодку в воду и звать меня.

Через минуту мы плыли дальше вниз по р. Динни. Тогда я начал расспрашивать о причинах испуга и торопливого ухода от порога, который мы с опасностью для жизни, но успешно прошли на лодках. Из ответов тумсцев я узнал, что Багдыхе есть маленький карлик. Он весь в волосах, даже лицо у него покрыто шерстью. Этот Багдыхе в некоторых местах, где много скал и ущелий, устраивает эхо. Он делает так, что люди слышат свои голоса, которые повторяются вдаль, замирают, усиливаются вновь и возвращаются обратно. Орочи боятся «скал с эхом» и стараются обойти их стороной. Такие места легко узнать. Тут всегда летом и зимою есть следы Багдыхе. Он ходит на одной лыже. След его мы и видели около галечниковой отмели на песке.

Встреча со старым знакомым

30 июля мы вошли на Аною. Я не узнал места впадения Динни. Раньше она бурливо вливалась воды своей у подножья скалистой сопки, а теперь устье реки переместилось на полкилометра к югу. Старое русло было занесено галькой и уже успело зарости молодым лесом.

Около устья Аноя мы сделали дневку. День выпал, как нарочно, солнечный и теплый. Орочи растянулись на гальке палатки для просушки и принялись разбирать имущество, а я взял

Остановка на биван. Около палатки В. М. Арсеньев вычерчивает пройденный маршрут. Орочи вытаскивают лодки из отмели

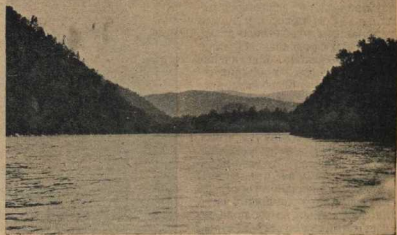
ружье и пошел к р. Аною. Я ожидал встретить его бурным, как и раньше. Плавание по нему считалось рискованным и опасным. Помню, в 1908 году мы с величайшим трудом подымались по этой реке. Взять перекат — было рискованное предприятие. Я помню страшные водовороты, которые втягивали в себя большие деревья. Теперь я не узнал Аноя. Географически — это он, а по характеру — совсем другая река. В 1908 году я назвал его «сумасшедшей, бешеной рекою, опасной для плавания», а теперь в 1927 году я увидел спокойную, тихую реку, вполне доступную для сплава.

Подземные гулы

Что за перемена произошла с Аноем? Причины может быть только две: стало меньше воды или произошло выравнивание дна.

Вечером, перед сномками мы сидели на берегу реки и говорили о том, что, повидимому, какие-то силы нивелировали дно реки. Как бы в подтверждение моих слов, вдруг со стороны Аноя послышался странный шум, похожий на грохот, скрип, завывание. Шум этот возник выше по воде. Он утихал, но замедленно, по неслыханно снова поднимался и приближался к нам. Это был рев, стенание и скрежет зубовый! Когда шум поравнялся с нами, стало ясно, что по дну вода влезла какую-то большую тяжесть — несомненно каменную глыбу, может, в несколько тонн величиною.

(Продолжение следует)

Река Аноя в среднем течении

Проклятый, но не вечный

Дискуссию читателей по поводу письма студента В. Миронова „Вечный, проклятый вопрос“ (см. № 9) разгорелась на ряд номеров журнала. Статьей „Проклятый, но не вечный“ редакция кончает дискуссию.

На пропавшие вопросы
дай ответы нам, please.

Гейне

ВЕСЬМА наивно думать, что в отношениях между мужчиной и женщиной — в частности, можно устанавливать какие бы то ни было писанные нормы, прописать какой-либо рецепт или дать «конкретную инструкцию», которая годилась бы на все случаи жизни. Таких рецептов, разумеется, нет.

Все же существуют некие основные этические формы и эти нормы на определенный период времени являются основными началами для устройства нашего быта. В конечном счете, быт в целом и половая проблема в частности — лишь надстройка над производственными отношениями, господствующими в данную эпоху. И противоречивость, сложность бытовых проблем в наше время и для нашего поколения определяется, в конечном итоге, сложностью и противоречивостью всей обстановки в целом.

Наличие в нашей стране целого ряда чрезвычайно различных хозяйственных укладов порождает соответствующие и разные формы бытовых отношений.

Неслучайно один из оппонентов Миронова считает нормальной женитбу шестнадцатилетнего крестьянского парня, принужденного этой женитбе поддаться в работнике-хозяике. Он даже рекомендует последовать примеру этого парня. Для земледельца, основанного на индивидуальном крестьянском хозяйстве, характерна именно такая форма семейной связи, которая определяется необходимостью иметь в доме работницу-хозяику. Для капиталистической эпохи характерна семья, как первичная «имущественная ячейка». Для кочевой киргиза, для узбека определенная социальная прослойка, для кочевго самоеда, — для каждого вида хозяйственной характеристики та или иная, но этому виду свойственная, бытовая обстановка и семейные формы.

Значительно иначе дело обстоит в наших городах, где с каждым годом преобладающими становятся новые, социалистические формы. Условия производственной жизни и общественно-экономический уклад определяют и бытовые условия рабочего или служащего. При соответствующей организации общественного питания нет надобности и думать о домашнем хозяйстве, о делах, связанных с организацией «личного снабжения». Увеличение количества яслей и детских садов постепенно освобождает все большее число женщин от «семейных обязанностей» обычно. Жизнь. Домашняя работа сокращается до минимума и вестрой семьи, весь уклад ее начинает перестраиваться. Рабочему часто уже нет нужды иметь собственный огород, корову или иной домашний скот. Рабочая семья все больше теряет свойственный ей прежней эпохе характер имущественной ячейки.

Если бы общественное питание, механизированные прачечные, ясли и детсады, завтраки в школах, — если бы все это было развито не в микроскопических для масштабов нашей страны размерах, если бы все эти учреждения мы имели повсюду, и в достаточном количестве, тогда многое из того, о чем пишет Миронов, отпало бы и людские отношения несомненно приняли бы совершенно иной вид. Справедливо указывает ряд товарищей на примеры такой совместной жизни, когда оба «супруга» вот этими вышеуказанными элементами нового быта поставлены в такие условия, что для них никаких проблем ребенка — «спеленко», «стырок» и т. д. — не существует. Напротив, Миронов полагает, что разрешение вот этой бытовой проблемы нашей молодежи пойдя по линии «хороших квартир» и «высоких окладов». Совсем нет, дело упрощается именно с колоссальным увеличением и систематическим качественным улучшением всех факторов нового быта.

Тов. Миронов может сказать, что все это вилами по воде писано, что это журавли в небе и т. д. Это не так. Материальные предпосылки нового быта проникают в нашу жизнь параллельно успехам социалистического строительства и коллективистического хозяйства. Разумеется, в деревне мы еще долго будем иметь преобладающую в настоящее время форму семейных отношений. Не обязательно муж будет таскать жену за косы, загонять ее на работу, как лошадь. С поднятием материального благосостояния и культурности широких масс крестьянства эти явления несомненно будут постепенно отпадать, но коренное переустройство семейных отношений займет изрядный отрезок времени.

Таким образом, мы еще долго в нашей стране будем иметь все формы семейных отношений — от примитивного, собственнического, семейного коллективизма крестьянина-хозяина до некоей высшей

формы, которая уже сейчас выковывается в быту передовых слоев пролетариата. Нам эта высшая форма представляется, как совместное добровольное сожитие двух сознательных участников социалистического строительства. Без «сильной стороны» — мужчин и без «слабой» — женщин.

Ни сейчас, разумеется, ни в социалистическом обществе надо полагать, нельзя будет предусмотреть анекдотических положений, рассказанных Мироновым. Впрочем, даже такие случаи вряд ли возможны, если мужчина с женщиной будут сходить не «случайно», не по первому влечению, а после длительного взаимного знакомства. Узнать цвет и качество шелку женщины — не трудно. Гораздо сложнее определить все стороны ее характера, ее склонности, все то, что составляет ее внешность, а существу человека. Знать же все это совершенно необходимо, если совместной жизни относиться серьезно, если учитывать то, что избранный должен влиться отцом (или матерью) нового будущего поколения.

Верно, что даже и при внимательном взаимном изучении возможны «просчеты». Но, право же, ни откуда не вытекает, что коммунист ни в коем случае не может развестись. Такая постановка, наоборот, характерна для христианской церкви, выражающей интересы капиталистического хозяйства. Там, где основой семьи является имущественное накопление, там в целях материальной благосостояния люди не должны расходиться. Какое дело, если Иван Петрович или Агриппина Ивановна друг друга «изменяют»? Важно, что приличия соблюдены и, главное, что в целостности сохранен капитал, который ляжет в основу будущего благополучия отпрысков торгового дома «Иванов и супруги». Для нас такая постановка вопроса является неприемлемой, лицемерной, фарисейской.

Другое дело, что разводы носят у нас характер эпидемический, определяемый не «просчетами», не отдельными ошибками отдельных лиц, а случайностью связей. Случайностью связей, очень часто определенных одним из оппонентов Миронова: «Парень думает — лишь бы жениться, а девушка — лишь бы замуж». Это, разумеется, в основе своей ненормально и объясняется исключительно той «дурной наследственностью», которая досталась нам и которую, разумеется, изживать мы будем долгие десятилетиями.

У нас принято говорить о половой жизни, как о чем-то, ни в коей связи с детьми не находящимся. Так, например, ставит вопрос и Миронов. Так говорит и некоторые его оппоненты. Надо «как-то» удовлетворять половую потребность?

Это, разумеется, также наследственность биологического порядка и порядка весьма тяжелого. Известны некоторые племена декарей с померно развитыми длинными руками и весьма слабо развитыми ногами. Ученые объясняют это явление тем, что этим людям, поколениям этих людей пришлось жить на деревьях, лазить по ним, подобно обезьянам. Получилось органическое перерождение некоторых свойств человеческой конституции под влиянием внешних условий

БЫТ МОЛОДЕЖИ. Вечером на задворках

Единственный биологический смысл половой жизни—это, конечно, размножение. Только инстинкт размножения лежит в основе половой жизни. Но человек умудрился сделать половую жизнь самоцелью.

«Культов» любви, который был необычайно развит среди туземцев разных эпох и разных народов, не мог не сказаться в конечном итоге на человеческом организме. В человеческом организме произошли также существенные изменения, изменения органического характера, что на половую жизнь тратится во много раз больше энергии, чем то вообще биологически и социально оправдывается.

Вот эти обстоятельства весьма часто забываются всеми трактующими вопросы пола. Это забыто и тов. Мироновым и рядом его оппонентов. Только один из них указал на известную теорию проф. Закинда о переклещивании половой энергии. Между тем, в системе воспитания нашей молодежи этот вопрос должен заслуживать внимания первоестественное место. Говоря практически, во всяком случае, следует указать на недопустимость половых связей до определенного возраста (в наших условиях, повидимому, до 21—23 лет). Этот период уже, примерно, совпадает с тем, когда юноша окончательно оформляется во взрослого мужчину. Надо полагать, что в новых условиях у нас и ввозвоще будут, примерно, к тому времени заканчиваться основной этап жизни. Таким образом, желательным, очевидно, представляется, чтобы юноша и девушка, разумеется, не сходясь до указанного, примерно, возраста и тем самым до окончательного их оформления как членов общества. И поэтому случайные браки между студентами, особенно первых курсов, следует по-прежнему признавать нежелательными.

Наконец, последняя из проблем, поднятых тов. Мироновым—проблема нормальной половой жизни. Нам представляется, что эта проблема может быть разрешена только в плане оздоровления половой жизни человеческого вообще. Каковы в отдельности человек, в зависимости от степени своей сознательности, в состоянии установить такой режим половой жизни, который хоть в некоторой степени приближался бы к нормальному. Разумеется, не аборт является в какой бы то ни было степени спасением от всех зол. Наверно также, что у нас должна господствовать Elin или Zweikindersystem («система» одного ребенка или двух детей). По мере нарастания элементов обобществления в быту, условия для более нормального воспитания детей будут улучшаться и в подобном самоорганизме необходимость отпадает. Аборты в степени исключительной с вращением недопустимы. И мы также не видим никакой существенной разницы между аборт и уничтожением новорожденных, которые столь часто еще практикуется в глухой и некультурной нашей деревне. Очевидно, что в этом в значительной степени повинен мужчина, как повинен мужчина часто и в неустраивании своего семейного быта.

Конечно, элементы омерзения часто приходят вместе с женщиной. Пример с Ниной—не единственный. Но это не является единственной причиной разлада. Аборты в степени исключительной с вращением недопустимы коммунистической устойчивости коммуниста (комсомола), а сие его воли, в уме то и чутко подается к женщине и заинтересовать ее не тряпками, а более значительными интересами.

В. Мелчин.

Нужно ли так поступать?

Продолжаем печатать отклики на статью «Нужно ли так поступать» (см. № 12). В следующем номере дискуссия будет закончена.

ПРОМАХИ НЕЗРЕЛОЙ МЫСЛИ

ПИСЬМО ташкентского поэта вначале вызывает недоумение и усмешку, но потом, вчитываясь, смеяться перестанешь. Чувствуешь, что перед тобой если не трагедия, то, по крайней мере, такой поступок, который может быть «чреват тяжелыми последствиями». Хорошо, если товарищ опомнится и, восстановившись в профсоюз, зайдет работу.

Ташкентскому поэту надо дать понять, что дело не в «линии», а в подготовленности, в грамотности. К сожалению, это исключительный случай, это «обыкновенная история» пылких «представителей» ботемы.

Психология таких поступков, по-моему, очень проста. Я сам имел счастье (именно в смысле, ибо это мне стоило пользу) пережить порыв ташкентского поэта. Зимой этого года я ни с того ни с чего вдруг почувствовал призвание к поэзии; зимние вечера длинные, скучные, вот я и «засел». Подобрал рифмы в роде «кларичи—Изычи—клич», «знамени—пламени» и пр., купил бумаги и... заработала моя «поэтическая мясорубка».

Работал я не за страх, а за совесть, в день писал по поэме, не считая «смелых стихов» по 40—50 строчек. Исписал трагедий 5, почувствовал себя «сильным» и отправил в... радиозавод «Комсомольской Правды», в которой я еще раньше сотрудничал как технический корреспондент. Через некоторое время я получаю свои рукописи обратно с достаточно крепкой отповедью, которой я теперь благодарен, а тогда—тогда я тоже, признаваясь, негодовал: «своих, черти, печатают».

Но вот прошло уже несколько месяцев и я отчетливо сознаю свои «промахи незрелой мысли».

Адраматский Василий

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

Простая истина, что учатся даже давно пишущие и известные писатели, очевидно, непонятая многим и многим.

Бросить учиться из-за того только, что удалось напечатать несколько стихотворений, значит заглушить в себе все данные и обречь себя на застой и бессмысленные мучения.

И Журнал, где помещались бы произведения лишь «начинающих», не нужен. Это поймет каждый, кто станет как следует работать над собой. Нужно только журналам молодежи давать более обширные отсты начинающему писателю.

Также нужно выпустить толковую, хорошо средактированную книгу: «Что нужно знать начинающему писателю».

В этой книге должны быть освещены следующие моменты:

1. Как учились и учатся известные писатели.
2. Образцы произведений с комментариями к ним.
3. Печальные факты (описать неудобные поступки «начинающих»).
- Книгу распространить по кружкам работников, редакциям газет и т. п.
- Книга найдет своего читателя.

Вик. Тимохин (Саратов)

ХОЧУ ИЛИ УМЕЮ?

Молодые люди, бросив производство, «отдаются письму». Один из них даже уехал в Москву, учился на Высш. лит.-худ. курсах и, бросив их, попал в ряды истинной ботемщины и только после сложных и долгих бумеранговых скольжений попал на работу. Другого субъекта ожидает, очевидно, такая же судьба.

Что такое ботема?—Это литературный пролетариат, живущий случайным трудом и ведущий беспорядочный, беззаботный образ жизни,—так отвечает словарь.

С ботемой у нас борются, ее преследуют—и не даром. Ботемщина разлагает молодежь, приучает ее к инструментальной жизни, ничтогосделанию, беззаботности. И ботемщина же приводит многих из молодежи к пессимизму, к личному неустраиванию, к озлоблению против людей и общества.

О чем все это говорит? Прежде всего о недостатке трудолюбия у человека, о его самомнении и нерпостительной юношеской горячке.

На необходимость учиться указывал и Ленин и Горький («О пользе грамотности») и решительно все известные люди—это, конечно, понимают и сами поэты, о которых говорилось в статье, но у них, видите ли, нехватили терпения, да и самонадеянность о собственном таланте была у них слишком велика.

Может быть, эти люди действительно и испытывали такое «вдохновение», когда «кровь кинет, и сердце прыгает, и ум играет в созерцании чудесных звуков и нарождающихся образов», но их грубый, «безграмотный» язык, не был в состоянии уловить эти звуки, поймать их на бумагу и передать так, чтобы они захватывали, волновали, вдохновляли других.

Отсюда разрыв между «хочу» и «умею», озлобление на «мименз», зависть и упреки редакциям.

Нужны ли такие люди государству? Вопрос практический, но необходимый. Ответ ясен. Социалистическая стройка требует людей упорных в труде, постоянных в своих целях, сильных волею и неутомимых духом. А тут—литературный пролетариат, живущий случайным трудом и ведущий беспорядочный, беззаботный образ жизни...

Степан Хмурый (г. Петропавлевск)

ФОРД И ОТБОРСЫ

Очерк П. ЛОПАТИНА

Электростанция, питающаяся отбросами

ГЕНРИ Форд любит говорить:

— Никогда негодных отбросов в природе не существует. Отброс — это ценный материал на неподходящем месте и в неподходящих руках.

Эту мысль Форд с исключительной последовательностью осуществляет на колоссальных предприятиях, которыми он владеет.

На его громадном заводе «Ривер-Руж» стоит питающая его электрическая станция. Ее мощность — 35 тыс. лошадиных сил, т.е. почти $\frac{3}{4}$ мощи Волховской станции. И тем не менее она не сдает ни фунта того топлива, с которым мы привыкли иметь дело: ни фунта дров, торфа, угля или нефти.

Форд поймал доменный газ в особые трубы, очистил его от вредных примесей и по трубам подвел к топкам своей электростанции, заставив его отапливать паровые котлы.

Но этого оказалось мало, и Форд вспомнил про свои угольные разработки. При добыче каменного угля, при его перевозке совершенно неизбежно получаются кучи угольной пыли. Форд велел аккуратно собирать эту пыль и привозить ее к электростанции, сжигая здесь, в особых, специально для этого построенных топках.

Использование пыли и шлака доменной печи

Второй отброс доменного производства — шлак — раньше в лучшем случае шел для засыпки на или для мощения дорог.

Форд построил цементный завод. 125 тонн шлака (около 8 000 п.л.), получаемого из доменных печей в день, стали превращаться в нем в 2 000 бочек прекрасного цемента.

Утилизируется и третий отброс доменного производства — доменная пыль. Прежде эта пыль, состоящая на 75% из железа, считалась мусором и либо высыпалась, либо продавалась, как отброс. Теперь Форд распорядился улавливать эту пыль особыми воздушными конвейерами и доставлять прямо к сварочным печам, где ее смешивают со стальными и железными опилками (они тоже не продаются) и превращают в массивные глыбы металла, легко поддающиеся переплавке. Благодаря этому способу удалось использовать громадное количество железа, раньше пропадвшего без пользы, не говоря уже о сбережении на транспорте мусора.

Куда идут металлические стружки

Фордовские заводы расходуют 400 000 тонн (24 млн. пуд.) железа в год. Эта цифра ясно говорит, что каждый день Форд имеет дело с сотнями тонн железных и стальных опилок, стружек и обрезков листовой стали. И ни одна тонна этих отбросов не пропадает. Специальные электрические печи, изобретенные и построенные на заводах Форда, с успехом превращают эти сотни и тысячи тонн в прекрасный металл.

Но Форд идет еще дальше: перед грузовой в печи эти железные отбросы,

он снимает приставшее к ним масло, собирая таким образом около 2 100 галлонов масла в день. Обычно оно идет потом для смазки или предохранения от ржавчины.

Экономия от нового способа распиловки бревен

Миллионы футов леса — ежедневная порция фордовских заводов. 40% от срубленного леса является обычно никому ненужным отбросом: опилками, стружками, щепками. Форд заинтересовался возможностью использовать и эти отбросы.

Он начал с того, что резко уменьшил количество этих отбросов. В январе 1924 г. на его громадном лесопильном заводе в Айрон-Маунтин был введен новый способ распиловки, который дает наименьшее количество мусора и отбросов.

До этого времени части кубовых автомобилей выделялись из высушенных лесок, выпиленных по определенному размеру. При обтесывании бревен выбрасываются самые лучшие, молодые слои древесины.

Система Форда заключается в том, чтобы распиливать бревна на планки, не снимая с них коры. Доски выливаются, независимо от формы бревна, не играющей никакой роли.

Результат этого нового способа быстро оказался: он дает Форду каждый день 40 000 рублей экономии.

Ветки, кора, щепки, солома и ореховая скорлупа

Обычно одна треть каждого срубленного дерева остается в лесу в виде сучьев, лтей, опилок, щепок, коры и т. д. Форд на своих лесных разработках построил сапожный завод, который считается самым большим и наиболее совершенным в мире.

Плавильная печь, в которой доменная пыль и железные опилки, смешиваясь, образуют глыбы металла

В качестве сырья завод имеет: опилки, стружки, щепки, кору, ореховую скорлупу и солому. Из всего этого он получает: смолу, которая идет для заливки аккумуляторов и для изоляции катушек; креозот, являющийся предохранительным средством для деревянных балок и железнодорожных шпал; эфир, идущий на производство искусственной кожи для автомобильных верхов и обивки; масло, которое идет на смазку и топливо, и проч., и проч.

Сломанный инструмент

При громадном размахе фордовского производства нет ничего удивительного, что ежедневно он имеет дело с тысячами поломанных инструментов и пороченных частей оборудования. Ничего из всего этого не пропадает у Форда.

Сломанные инструменты всех видов — клещи, отвертки, ножницы, крючки, буравы, молотки, сверла, калибры, бабки, рубанки, пилы, шпатели и т. д. — поступают в отдельные ремонтные мастерские. Здесь с первого взгляда определяют, возможно ли не исправлять инструмент, переделав его на изысканном станке. И если есть хоть малейшая возможность для этого, притупившиеся инструменты уменьшают до следующего номера модели.

Деревянные ручки инструментов тоже не пропадают: из сломанной ручки лопаты, например, изготавливаются несколько ручек для отверток или долот.

Обрывки ремней, тряпки, куски бумаги, гнилые доски

Тысячи мер экономии соблюдают у Форда с неуклонной строгостью. Например, каждый день у него пропадают приносовых ремней на 2 тыс. рублей. В особых мастерских из небольших обрывков ремней изготавливаются предохранительные пояса для уборщиков, моющих окна, или идут в сапожную мастерскую на подметки и набойки.

Приемщики грузов разминают упаковочные ящики, стараясь их не портить. Хорошо сохранившиеся ящики попросту починяются и поступают обратно на склад. Разломанные ящики разбираются, гвозди вынимаются, доски сортируются и из них сооружаются новые ящики. Исполняется решительно все. Даже старые гнилые доски применяются для обивки вагонов, в которых перевозятся металлические лом.

Слопнь и рядом Форд, доводит экономию до предела. Например, старый огнеупорный кирпич разламывается и перерабатывается напаво. Из окалина плавильных печей извлекается содержащийся в них металл. Бумажный и тряпичный мусор идет на изготовление картона, нужного для упаковок материалов. Старая краска снимается с мусора и дает в сутки до 500 галлонов новой краски. А в фотографическом отделении из пропитателей получают обратно соли серебра, чем достигается экономия в 20 тысяч рублей в год.

Все эти примеры доказывают, что никакие ненужные отбросы действительно не существуют: нужны только подходящие руки, чтобы превратить мусор в ценный материал, дающий десятки миллионов рублей в год.

ИГРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Под редакцией Л. БАРХАША

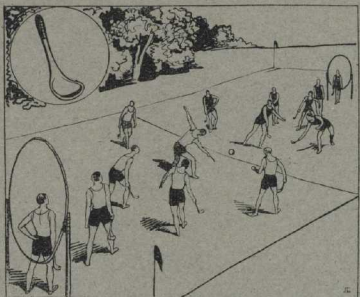
Бросай мяч

Эта игра проходит сравнительно в быстром темпе, одновременно позволяет проводить ряд сложнейших комбинаций. Участвуют 2 команды по 7 человек.

Площадка для игры четырехугольная, размером 120 на 60 метров. По углам площадки следует расставить флаги. Посредине площадки известно проводится линия, делящая ее пополам. По концам площадки устанавливаются ворота, имеющие форму обруча, диаметром в 2—2½ метра. Если такие ворота установить затруднительно, можно обойтись обыкновенными футбольными воротами.

Инвентарь для игры заключается в клюшках, сант. 40—50 длины, по виду напоминающих деревянную ложку и имеющих форму, изображенную на рисунке, и футбольном мяче.

1. Игроки в каждой команде распределяются в следующем порядке: нападающие — 3 человека, полузащитники — 2 человека, защитники — 1 человек и вратарь — 1 человек. Всего 7 человек.

2. Перед началом игры бросается жребий. Одна команда имеет право выбора ворот, а другая начинает игру.

3. Игра начинается по сигналу судьи. Каждая команда старается провести мяч в ворота противника.

4. Игрокам рекомендуется всегда держаться своих мест, как показано на рисунке.

5. Играть можно только клюшкой и ладонью руки. Бить мяч нельзя, можно только бить башу.

6. Задергивать мяч рукой, за исключением вратаря, не разрешается. За это противнику предоставляется свободный бросок. Менять в это время нельзя. Все противники должны быть на расстоянии не ближе 5 шагов.

7. Если мяч выходит за линию площадки в саут, то игрок противника имеет право «свободного» броска клюшкой в любую сторону.

8. Противникам нельзя заходить за линию защитника, если мяч находится вне их линии. Нарушение дает защищающейся команде «свободный» бросок рукой или клюшкой.

9. Если мяч попал за линию ворот по вине игроков защищающейся команды, то нападающие имеют право броска в ворота на расстоянии 10 метров. Защищать можно ворота, начиная с 8 метров.

10. Вратарю разрешается отбивать мяч руками, ногами, корпусом, клюшкой и головой.

11. Остальным игрокам бить головой также разрешается.

12. Игра производится по 25 минут, с одним перерывом в 10 минут.

13. После перерыва команды меняются местами.

14. Выигрывает команда, большее число раз проведшая мяч в ворота противника.

15. Топкать и задевать друг друга игрокам не разрешается.

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. П-ТА

№ 3

Введение в стиховедение

Читатель понимает, насколько далеки от задач нашего отдела серьезные исследования по исторической поэтике.

Тем не менее, для сознательного обладателя современной стихотворной техники необходимо «быть в курсе «формального» анализа материала, с которым имеешь дело.

Не подлежит сомнению, что значительно изменились предъявляемые и поэтом и читателем технические требования к стихам. Рубежом, в котором классическая шероховатость уступила свое место новой, можно считать 1922—23 годы. Разумеется, и теперь встречаются поэты, вполне протаракские, и вполне революционные, но пользующиеся старой техникой. Достаточно назвать Демьяна Бедного.

Однако, новизна технических приемов у наших дней отнюдь не ограничивается экспериментами «дефеоцизм» и «конструктивизм». Огромное большинство печатающихся поэтов, даже ведущих свою линию от Есенина, пользуется революционной формой для своей ритмики. Между тем, выходя из нее, и как раз с той поры, труды по русскому стиховедению — Томашевского, Шенгеля, Жирмунского (не говоря уже о более ранних, в роде Шульговского) — рассматривают исконно и исключительно классическую линию стиха — от Державина, Пушкина, Мая, Крылова до Демьяна Бедного — и отклонения от нее в формальной поэтике Блока и прочих символистов и акмеистов.

Чтобы усвоить технику наших дней, надо отдавать себе полный отчет в прежней. Наш «сплутный» курс поневоле должен будет затронуть повторить правила классической «просодии». По мере же его продолжения, мы перейдем к технике революционной, чем и думаем заполнить

пробел руководства по русскому стиховедению.

§ 1

Оставляя пока без рассмотрения символистский стих Кантесира и его предшественников, мы должны признать, что со стороны размера русский стих, по крайней мере до Блока, был силлабико-тоническим.

Что это значит? Значит, что в нем в равной мере были обязательны правила как определенного числа слогов (в стопе), так и известного чередования ударений.

«Просодия» (строй песни, стиха и наука о нем) была заимствована русскими у античных поэтов (эллинических и римских), и лишь переделана, согласно предположениям свойствам языка, на русский лад.

В древне-греческом стихосложении, так называемом метрическом, в основу ритма клалась долгота слогов. За единицу исчисления ее брались время, нужное для произнесения одного краткого слога. Отличать краткий слог было легко. В языке были такие буквы, «эпсилон» и «омикрон», которыми обозначались краткие гласные «э» и «о» — и опичные от всегда долгих «эта» и «омега». Это время называлось «морой». Долгий слог предполагался равным двум морям, двум кратким. И в зависимости от числа слогов, приходящих на одну стопу (из которых составлялся стих), в греческом стихе выходили разные размеры.

Русский стих усвоил себе многие из этих размеров, — но с одного существенной поправкой, относящейся ко всем размерам и отличающей их от исключительно античных. А именно: в виду того, что у нас, будто бы, нет обязательных долей или кратких слогов (поиславные поэты позволяли себе это сильно оспаривать, но менять закона «просодии» не решались), — вместо че-

редования долготы слогов, а основу русского стихосложения было принято чередование ударений.

Таким образом, возникли наши ямбы, хорен, дактили, амфибрахи и анапесты. Соединением развнялось, что русские поэты, сами того не ведая, следовали античным и в пользовании на русский язык, и другими стопами их «просодии»: пиррихиями, спондеями, тропеями, аспиритами и т. д. И в конце-концов стали культивировать в стихах упомянутые выше, неканонические для классического учения о русском стихе стопы сознательно и «наорито».

В следующем номере мы дадим подробный обзор этих стоп, а затем их сочетания в стихе (без известной закономерности, в которой не получается ритма), а пока перейдем к более веселым материям.

Конкурс палиндромов

Такая форма, которая, будучи прочтенной от конца к началу, даст тот же самый смысл, называется палиндромом (или «палиндромом»). Это считается видом стихотворчества, и Брюсов и Хлебников писали подобные палиндромы.

Вот простейшие решения-палиндромы:

«Мир, и мир ему»; «А роза упала на лапу Азора»; «Илику казак сена ест, а казак кашу».

Вот целые стихи, не теряющие смысла рифмы, если их прочесть от последней буквы к первой, вместо того, чтобы, как полагается, наоборот:

«После «яныки»

«Уж утро. Пот как топор. Тузу.

Ухал из яны, тут и лежу»

Приглашаем наших читателей поупражняться на досуге в сочинениях, имеющих смысл палиндромов и посылаемых нам под девизом, или без — по желанию, в течение ближайших 2 месяцев на наш конкурс палиндромов. Длиннейшие и простейшие (назидательные) оригинальные послышки будут премированы: о размере премий особо.

ЗАДАЧИ ШАХМАТЫ

Под редакцией С. Глязера

Под редакцией С. М. Слонима

№ 78. ЗАГАДКИ-ШУТКИ

а) В какую американскую республику надо отправить мясной знак, чтобы, читая ее название с конца, получилось имя, известное всему миру?

б) В каких плодах, выкинув букву, получим белогвардейскую газету?

в) Какой камень при перевооружении обращается в часть толги, и как нужно написать его, чтобы, прибавив букву, получить имя?

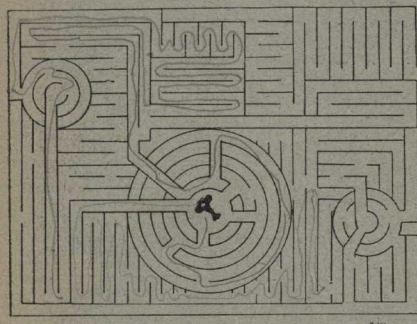
№ 79. ЛОГОГРИФ

(Животное — рыба — птица)

Во мне всего четыре буквы. Но сколько фокусов, смотри:

№ 80. ЛАБИРИНТ

Для проноса авио-фотоиспытателя бронемашины на самолете оказались радиопередатчик изображений. Редакция получила снимок машины, где случалась авария самолета. Обращаем к читателям с предложением помочь авиаторам выбрать безопасный лабиринт, в который они попали.

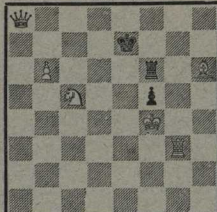
Сейчас и бегом в лесу
И спавлюсь аз свою красу;
Вторую букву измени,
И превратился я, взгляди,
В того, кто водится в реке
И часто гибнет на крошке,
А в довершение всяких бед
Меня готовят на обед.
Мне это вовсе не по вкусу —
И тышь в твою мою,
И ты, чтоб не предать себя
искуску,

Скажи: „Я эту букву измени“.
Тогда придется удивиться,
Коль ты исполнишь мой совет.
Теперь я превратился в птицу,
И мой известен белый цвет.

Ш-р

Задача № 99

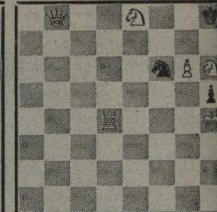
Н. ТРАКЛЕР

Мат в 2 хода

Задача № 90

В. ГАНЕВЕРТ

Мат в 2 хода

Нельзя было ни в коем случае допустить, что в этот момент, когда трудящиеся СССР празднуют свой первый большой индустриальный праздник, шахматы были бы в нападении. Шахматы не допускают глубокие проникновения в массу, они натапливаются в атмосферу, чтобы улусовать подобные случаи.

Решения задач

Задача № 19. С. Лойа. Мат в 3 хода: 1. Лd7-g3, Сd7-g3, 2. Кf1-e3, Сg2-f3-h4. Мат в 4 хода (два коня e1): 1. h2-g3, Сf3-b3, 2. Лg7-g4, Сb6-d8, 3. Лg4-h4, Сd8-h4, 4. g4-e4, Мат в 6 ходов (два коня e1 и пешки h2): 1. Лd7-g4, Сf3-e1, 2. Лd1-d4, Сd1-f2, 3. Лf4-e1, Сf2-g1, 4. d4-c1, Кf8-h7, 5. Лd1-h1.

Задача № 20. П. Готшалк. 1. Фc2-h7 и мат при любом ответе черных. Напр.: 1. Кf8-h7, 2. Кf7-h8, 3. Кf8-h7, 4. Кf7-h8, 5. Кf8-h7, 6. Кf7-h8, 7. Кf8-h7, 8. Кf7-h8, 9. Кf8-h7, 10. Кf7-h8, 11. Кf8-h7, 12. Кf7-h8, 13. Кf8-h7, 14. Кf7-h8, 15. Кf8-h7, 16. Кf7-h8, 17. Кf8-h7, 18. Кf7-h8, 19. Кf8-h7, 20. Кf7-h8, 21. Кf8-h7, 22. Кf7-h8, 23. Кf8-h7, 24. Кf7-h8, 25. Кf8-h7, 26. Кf7-h8, 27. Кf8-h7, 28. Кf7-h8, 29. Кf8-h7, 30. Кf7-h8, 31. Кf8-h7, 32. Кf7-h8, 33. Кf8-h7, 34. Кf7-h8, 35. Кf8-h7, 36. Кf7-h8, 37. Кf8-h7, 38. Кf7-h8, 39. Кf8-h7, 40. Кf7-h8, 41. Кf8-h7, 42. Кf7-h8, 43. Кf8-h7, 44. Кf7-h8, 45. Кf8-h7, 46. Кf7-h8, 47. Кf8-h7, 48. Кf7-h8, 49. Кf8-h7, 50. Кf7-h8, 51. Кf8-h7, 52. Кf7-h8, 53. Кf8-h7, 54. Кf7-h8, 55. Кf8-h7, 56. Кf7-h8, 57. Кf8-h7, 58. Кf7-h8, 59. Кf8-h7, 60. Кf7-h8, 61. Кf8-h7, 62. Кf7-h8, 63. Кf8-h7, 64. Кf7-h8, 65. Кf8-h7, 66. Кf7-h8, 67. Кf8-h7, 68. Кf7-h8, 69. Кf8-h7, 70. Кf7-h8, 71. Кf8-h7, 72. Кf7-h8, 73. Кf8-h7, 74. Кf7-h8, 75. Кf8-h7, 76. Кf7-h8, 77. Кf8-h7, 78. Кf7-h8, 79. Кf8-h7, 80. Кf7-h8, 81. Кf8-h7, 82. Кf7-h8, 83. Кf8-h7, 84. Кf7-h8, 85. Кf8-h7, 86. Кf7-h8, 87. Кf8-h7, 88. Кf7-h8, 89. Кf8-h7, 90. Кf7-h8, 91. Кf8-h7, 92. Кf7-h8, 93. Кf8-h7, 94. Кf7-h8, 95. Кf8-h7, 96. Кf7-h8, 97. Кf8-h7, 98. Кf7-h8, 99. Кf8-h7, 100. Кf7-h8, 101. Кf8-h7, 102. Кf7-h8, 103. Кf8-h7, 104. Кf7-h8, 105. Кf8-h7, 106. Кf7-h8, 107. Кf8-h7, 108. Кf7-h8, 109. Кf8-h7, 110. Кf7-h8, 111. Кf8-h7, 112. Кf7-h8, 113. Кf8-h7, 114. Кf7-h8, 115. Кf8-h7, 116. Кf7-h8, 117. Кf8-h7, 118. Кf7-h8, 119. Кf8-h7, 120. Кf7-h8, 121. Кf8-h7, 122. Кf7-h8, 123. Кf8-h7, 124. Кf7-h8, 125. Кf8-h7, 126. Кf7-h8, 127. Кf8-h7, 128. Кf7-h8, 129. Кf8-h7, 130. Кf7-h8, 131. Кf8-h7, 132. Кf7-h8, 133. Кf8-h7, 134. Кf7-h8, 135. Кf8-h7, 136. Кf7-h8, 137. Кf8-h7, 138. Кf7-h8, 139. Кf8-h7, 140. Кf7-h8, 141. Кf8-h7, 142. Кf7-h8, 143. Кf8-h7, 144. Кf7-h8, 145. Кf8-h7, 146. Кf7-h8, 147. Кf8-h7, 148. Кf7-h8, 149. Кf8-h7, 150. Кf7-h8, 151. Кf8-h7, 152. Кf7-h8, 153. Кf8-h7, 154. Кf7-h8, 155. Кf8-h7, 156. Кf7-h8, 157. Кf8-h7, 158. Кf7-h8, 159. Кf8-h7, 160. Кf7-h8, 161. Кf8-h7, 162. Кf7-h8, 163. Кf8-h7, 164. Кf7-h8, 165. Кf8-h7, 166. Кf7-h8, 167. Кf8-h7, 168. Кf7-h8, 169. Кf8-h7, 170. Кf7-h8, 171. Кf8-h7, 172. Кf7-h8, 173. Кf8-h7, 174. Кf7-h8, 175. Кf8-h7, 176. Кf7-h8, 177. Кf8-h7, 178. Кf7-h8, 179. Кf8-h7, 180. Кf7-h8, 181. Кf8-h7, 182. Кf7-h8, 183. Кf8-h7, 184. Кf7-h8, 185. Кf8-h7, 186. Кf7-h8, 187. Кf8-h7, 188. Кf7-h8, 189. Кf8-h7, 190. Кf7-h8, 191. Кf8-h7, 192. Кf7-h8, 193. Кf8-h7, 194. Кf7-h8, 195. Кf8-h7, 196. Кf7-h8, 197. Кf8-h7, 198. Кf7-h8, 199. Кf8-h7, 200. Кf7-h8, 201. Кf8-h7, 202. Кf7-h8, 203. Кf8-h7, 204. Кf7-h8, 205. Кf8-h7, 206. Кf7-h8, 207. Кf8-h7, 208. Кf7-h8, 209. Кf8-h7, 210. Кf7-h8, 211. Кf8-h7, 212. Кf7-h8, 213. Кf8-h7, 214. Кf7-h8, 215. Кf8-h7, 216. Кf7-h8, 217. Кf8-h7, 218. Кf7-h8, 219. Кf8-h7, 220. Кf7-h8, 221. Кf8-h7, 222. Кf7-h8, 223. Кf8-h7, 224. Кf7-h8, 225. Кf8-h7, 226. Кf7-h8, 227. Кf8-h7, 228. Кf7-h8, 229. Кf8-h7, 230. Кf7-h8, 231. Кf8-h7, 232. Кf7-h8, 233. Кf8-h7, 234. Кf7-h8, 235. Кf8-h7, 236. Кf7-h8, 237. Кf8-h7, 238. Кf7-h8, 239. Кf8-h7, 240. Кf7-h8, 241. Кf8-h7, 242. Кf7-h8, 243. Кf8-h7, 244. Кf7-h8, 245. Кf8-h7, 246. Кf7-h8, 247. Кf8-h7, 248. Кf7-h8, 249. Кf8-h7, 250. Кf7-h8, 251. Кf8-h7, 252. Кf7-h8, 253. Кf8-h7, 254. Кf7-h8, 255. Кf8-h7, 256. Кf7-h8, 257. Кf8-h7, 258. Кf7-h8, 259. Кf8-h7, 260. Кf7-h8, 261. Кf8-h7, 262. Кf7-h8, 263. Кf8-h7, 264. Кf7-h8, 265. Кf8-h7, 266. Кf7-h8, 267. Кf8-h7, 268. Кf7-h8, 269. Кf8-h7, 270. Кf7-h8, 271. Кf8-h7, 272. Кf7-h8, 273. Кf8-h7, 274. Кf7-h8, 275. Кf8-h7, 276. Кf7-h8, 277. Кf8-h7, 278. Кf7-h8, 279. Кf8-h7, 280. Кf7-h8, 281. Кf8-h7, 282. Кf7-h8, 283. Кf8-h7, 284. Кf7-h8, 285. Кf8-h7, 286. Кf7-h8, 287. Кf8-h7, 288. Кf7-h8, 289. Кf8-h7, 290. Кf7-h8, 291. Кf8-h7, 292. Кf7-h8, 293. Кf8-h7, 294. Кf7-h8, 295. Кf8-h7, 296. Кf7-h8, 297. Кf8-h7, 298. Кf7-h8, 299. Кf8-h7, 300. Кf7-h8, 301. Кf8-h7, 302. Кf7-h8, 303. Кf8-h7, 304. Кf7-h8, 305. Кf8-h7, 306. Кf7-h8, 307. Кf8-h7, 308. Кf7-h8, 309. Кf8-h7, 310. Кf7-h8, 311. Кf8-h7, 312. Кf7-h8, 313. Кf8-h7, 314. Кf7-h8, 315. Кf8-h7, 316. Кf7-h8, 317. Кf8-h7, 318. Кf7-h8, 319. Кf8-h7, 320. Кf7-h8, 321. Кf8-h7, 322. Кf7-h8, 323. Кf8-h7, 324. Кf7-h8, 325. Кf8-h7, 326. Кf7-h8, 327. Кf8-h7, 328. Кf7-h8, 329. Кf8-h7, 330. Кf7-h8, 331. Кf8-h7, 332. Кf7-h8, 333. Кf8-h7, 334. Кf7-h8, 335. Кf8-h7, 336. Кf7-h8, 337. Кf8-h7, 338. Кf7-h8, 339. Кf8-h7, 340. Кf7-h8, 341. Кf8-h7, 342. Кf7-h8, 343. Кf8-h7, 344. Кf7-h8, 345. Кf8-h7, 346. Кf7-h8, 347. Кf8-h7, 348. Кf7-h8, 349. Кf8-h7, 350. Кf7-h8, 351. Кf8-h7, 352. Кf7-h8, 353. Кf8-h7, 354. Кf7-h8, 355. Кf8-h7, 356. Кf7-h8, 357. Кf8-h7, 358. Кf7-h8, 359. Кf8-h7, 360. Кf7-h8, 361. Кf8-h7, 362. Кf7-h8, 363. Кf8-h7, 364. Кf7-h8, 365. Кf8-h7, 366. Кf7-h8, 367. Кf8-h7, 368. Кf7-h8, 369. Кf8-h7, 370. Кf7-h8, 371. Кf8-h7, 372. Кf7-h8, 373. Кf8-h7, 374. Кf7-h8, 375. Кf8-h7, 376. Кf7-h8, 377. Кf8-h7, 378. Кf7-h8, 379. Кf8-h7, 380. Кf7-h8, 381. Кf8-h7, 382. Кf7-h8, 383. Кf8-h7, 384. Кf7-h8, 385. Кf8-h7, 386. Кf7-h8, 387. Кf8-h7, 388. Кf7-h8, 389. Кf8-h7, 390. Кf7-h8, 391. Кf8-h7, 392. Кf7-h8, 393. Кf8-h7, 394. Кf7-h8, 395. Кf8-h7, 396. Кf7-h8, 397. Кf8-h7, 398. Кf7-h8, 399. Кf8-h7, 400. Кf7-h8, 401. Кf8-h7, 402. Кf7-h8, 403. Кf8-h7, 404. Кf7-h8, 405. Кf8-h7, 406. Кf7-h8, 407. Кf8-h7, 408. Кf7-h8, 409. Кf8-h7, 410. Кf7-h8, 411. Кf8-h7, 412. Кf7-h8, 413. Кf8-h7, 414. Кf7-h8, 415. Кf8-h7, 416. Кf7-h8, 417. Кf8-h7, 418. Кf7-h8, 419. Кf8-h7, 420. Кf7-h8, 421. Кf8-h7, 422. Кf7-h8, 423. Кf8-h7, 424. Кf7-h8, 425. Кf8-h7, 426. Кf7-h8, 427. Кf8-h7, 428. Кf7-h8, 429. Кf8-h7, 430. Кf7-h8, 431. Кf8-h7, 432. Кf7-h8, 433. Кf8-h7, 434. Кf7-h8, 435. Кf8-h7, 436. Кf7-h8, 437. Кf8-h7, 438. Кf7-h8, 439. Кf8-h7, 440. Кf7-h8, 441. Кf8-h7, 442. Кf7-h8, 443. Кf8-h7, 444. Кf7-h8, 445. Кf8-h7, 446. Кf7-h8, 447. Кf8-h7, 448. Кf7-h8, 449. Кf8-h7, 450. Кf7-h8, 451. Кf8-h7, 452. Кf7-h8, 453. Кf8-h7, 454. Кf7-h8, 455. Кf8-h7, 456. Кf7-h8, 457. Кf8-h7, 458. Кf7-h8, 459. Кf8-h7, 460. Кf7-h8, 461. Кf8-h7, 462. Кf7-h8, 463. Кf8-h7, 464. Кf7-h8, 465. Кf8-h7, 466. Кf7-h8, 467. Кf8-h7, 468. Кf7-h8, 469. Кf8-h7, 470. Кf7-h8, 471. Кf8-h7, 472. Кf7-h8, 473. Кf8-h7, 474. Кf7-h8, 475. Кf8-h7, 476. Кf7-h8, 477. Кf8-h7, 478. Кf7-h8, 479. Кf8-h7, 480. Кf7-h8, 481. Кf8-h7, 482. Кf7-h8, 483. Кf8-h7, 484. Кf7-h8, 485. Кf8-h7, 486. Кf7-h8, 487. Кf8-h7, 488. Кf7-h8, 489. Кf8-h7, 490. Кf7-h8, 491. Кf8-h7, 492. Кf7-h8, 493. Кf8-h7, 494. Кf7-h8, 495. Кf8-h7, 496. Кf7-h8, 497. Кf8-h7, 498. Кf7-h8, 499. Кf8-h7, 500. Кf7-h8, 501. Кf8-h7, 502. Кf7-h8, 503. Кf8-h7, 504. Кf7-h8, 505. Кf8-h7, 506. Кf7-h8, 507. Кf8-h7, 508. Кf7-h8, 509. Кf8-h7, 510. Кf7-h8, 511. Кf8-h7, 512. Кf7-h8, 513. Кf8-h7, 514. Кf7-h8, 515. Кf8-h7, 516. Кf7-h8, 517. Кf8-h7, 518. Кf7-h8, 519. Кf8-h7, 520. Кf7-h8, 521. Кf8-h7, 522. Кf7-h8, 523. Кf8-h7, 524. Кf7-h8, 525. Кf8-h7, 526. Кf7-h8, 527. Кf8-h7, 528. Кf7-h8, 529. Кf8-h7, 530. Кf7-h8, 531. Кf8-h7, 532. Кf7-h8, 533. Кf8-h7, 534. Кf7-h8, 535. Кf8-h7, 536. Кf7-h8, 537. Кf8-h7, 538. Кf7-h8, 539. Кf8-h7, 540. Кf7-h8, 541. Кf8-h7, 542. Кf7-h8, 543. Кf8-h7, 544. Кf7-h8, 545. Кf8-h7, 546. Кf7-h8, 547. Кf8-h7, 548. Кf7-h8, 549. Кf8-h7, 550. Кf7-h8, 551. Кf8-h7, 552. Кf7-h8, 553. Кf8-h7, 554. Кf7-h8, 555. Кf8-h7, 556. Кf7-h8, 557. Кf8-h7, 558. Кf7-h8, 559. Кf8-h7, 560. Кf7-h8, 561. Кf8-h7, 562. Кf7-h8, 563. Кf8-h7, 564. Кf7-h8, 565. Кf8-h7, 566. Кf7-h8, 567. Кf8-h7, 568. Кf7-h8, 569. Кf8-h7, 570. Кf7-h8, 571. Кf8-h7, 572. Кf7-h8, 573. Кf8-h7, 574. Кf7-h8, 575. Кf8-h7, 576. Кf7-h8, 577. Кf8-h7, 578. Кf7-h8, 579. Кf8-h7, 580. Кf7-h8, 581. Кf8-h7, 582. Кf7-h8, 583. Кf8-h7, 584. Кf7-h8, 585. Кf8-h7, 586. Кf7-h8, 587. Кf8-h7, 588. Кf7-h8, 589. Кf8-h7, 590. Кf7-h8, 591. Кf8-h7, 592. Кf7-h8, 593. Кf8-h7, 594. Кf7-h8, 595. Кf8-h7, 596. Кf7-h8, 597. Кf8-h7, 598. Кf7-h8, 599. Кf8-h7, 600. Кf7-h8, 601. Кf8-h7, 602. Кf7-h8, 603. Кf8-h7, 604. Кf7-h8, 605. Кf8-h7, 606. Кf7-h8, 607. Кf8-h7, 608. Кf7-h8, 609. Кf8-h7, 610. Кf7-h8, 611. Кf8-h7, 612. Кf7-h8, 613. Кf8-h7, 614. Кf7-h8, 615. Кf8-h7, 616. Кf7-h8, 617. Кf8-h7, 618. Кf7-h8, 619. Кf8-h7, 620. Кf7-h8, 621. Кf8-h7, 622. Кf7-h8, 623. Кf8-h7, 624. Кf7-h8, 625. Кf8-h7, 626. Кf7-h8, 627. Кf8-h7, 628. Кf7-h8, 629. Кf8-h7, 630. Кf7-h8, 631. Кf8-h7, 632. Кf7-h8, 633. Кf8-h7, 634. Кf7-h8, 635. Кf8-h7, 636. Кf7-h8, 637. Кf8-h7, 638. Кf7-h8, 639. Кf8-h7, 640. Кf7-h8, 641. Кf8-h7, 642. Кf7-h8, 643. Кf8-h7, 644. Кf7-h8, 645. Кf8-h7, 646. Кf7-h8, 647. Кf8-h7, 648. Кf7-h8, 649. Кf8-h7, 650. Кf7-h8, 651. Кf8-h7, 652. Кf7-h8, 653. Кf8-h7, 654. Кf7-h8, 655. Кf8-h7, 656. Кf7-h8, 657. Кf8-h7, 658. Кf7-h8, 659. Кf8-h7, 660. Кf7-h8, 661. Кf8-h7, 662. Кf7-h8, 663. Кf8-h7, 664. Кf7-h8, 665. Кf8-h7, 666. Кf7-h8, 667. Кf8-h7, 668. Кf7-h8, 669. Кf8-h7, 670. Кf7-h8, 671. Кf8-h7, 672. Кf7-h8, 673. Кf8-h7, 674. Кf7-h8, 675. Кf8-h7, 676. Кf7-h8, 677. Кf8-h7, 678. Кf7-h8, 679. Кf8-h7, 680. Кf7-h8, 681. Кf8-h7, 682. Кf7-h8, 683. Кf8-h7, 684. Кf7-h8, 685. Кf8-h7, 686. Кf7-h8, 687. Кf8-h7, 688. Кf7-h8, 689. Кf8-h7, 690. Кf7-h8, 691. Кf8-h7, 692. Кf7-h8, 693. Кf8-h7, 694. Кf7-h8, 695. Кf8-h7, 696. Кf7-h8, 697. Кf8-h7, 698. Кf7-h8, 699. Кf8-h7, 700. Кf7-h8, 701. Кf8-h7, 702. Кf7-h8, 703. Кf8-h7, 704. Кf7-h8, 705. Кf8-h7, 706. Кf7-h8, 707. Кf8-h7, 708. Кf7-h8, 709. Кf8-h7, 710. Кf7-h8, 711. Кf8-h7, 712. Кf7-h8, 713. Кf8-h7, 714. Кf7-h8, 715. Кf8-h7, 716. Кf7-h8, 717. Кf8-h7, 718. Кf7-h8, 719. Кf8-h7, 720. Кf7-h8, 721. Кf8-h7, 722. Кf7-h8, 723. Кf8-h7, 724. Кf7-h8, 725. Кf8-h7, 726. Кf7-h8, 727. Кf8-h7, 728. Кf7-h8, 729. Кf8-h7, 730. Кf7-h8, 731. Кf8-h7, 732. Кf7-h8, 733. Кf8-h7, 734. Кf7-h8, 735. Кf8-h7, 736. Кf7-h8, 737. Кf8-h7, 738. Кf7-h8, 739. Кf8-h7, 740. Кf7-h8, 741. Кf8-h7, 742. Кf7-h8, 743. Кf8-h7, 744. Кf7-h8, 745. Кf8-h7, 746. Кf7-h8, 747. Кf8-h7, 748. Кf7-h8, 749. Кf8-h7, 750. Кf7-h8, 751. Кf8-h7, 752. Кf7-h8, 753. Кf8-h7, 754. Кf7-h8, 755. Кf8-h7, 756. Кf7-h8, 757. Кf8-h7, 758. Кf7-h8, 759. Кf8-h7, 760. Кf7-h8, 761. Кf8-h7, 762. Кf7-h8, 763. Кf8-h7, 764. Кf7-h8, 765. Кf8-h7, 766. Кf7-h8, 767. Кf8-h7, 768. Кf7-h8, 769. Кf8-h7, 770. Кf7-h8, 771. Кf8-h7, 772. Кf7-h8, 773. Кf8-h7, 774. Кf7-h8, 775. Кf8-h7, 776. Кf7-h8, 777. Кf8-h7, 778. Кf7-h8, 779. Кf8-h7, 780. Кf7-h8, 781. Кf8-h7, 782. Кf7-h8, 783. Кf8-h7, 784. Кf7-h8, 785. Кf8-h7, 786. Кf7-h8, 787. Кf8-h7, 788. Кf7-h8, 789. Кf8-h7, 790. Кf7-h8, 791. Кf8-h7, 792. Кf7-h8, 793. Кf8-h7, 794. Кf7-h8, 795. Кf8-h7, 796. Кf7-h8, 797. Кf8-h7, 798. Кf7-h8, 799. Кf8-h7, 800. Кf7-h8, 801. Кf8-h7, 802. Кf7-h8, 803. Кf8-h7, 804. Кf7-h8, 805. Кf8-h7, 806. Кf7-h8, 807. Кf8-h7, 808. Кf7-h8, 809. Кf8-h7, 810. Кf7-h8, 811. Кf8-h7, 812. Кf7-h8, 813. Кf8-h7, 814. Кf7-h8, 815. Кf8-h7, 816. Кf7-h8, 817. Кf8-h7, 818. Кf7-h8, 819. Кf8-h7, 820. Кf7-h8, 821. Кf8-h7, 822. Кf7-h8, 823. Кf8-h7, 824. Кf7-h8, 825. Кf8-h7, 826. Кf7-h8, 827. Кf8-h7, 828. Кf7-h8, 829. Кf8-h7, 830. Кf7-h8, 831. Кf8-h7, 832. Кf7-h8, 833. Кf8-h7, 834. Кf7-h8, 835. Кf8-h7, 836. Кf7-h8, 837. Кf8-h7, 838. Кf7-h8, 839. Кf8-h7, 840. Кf7-h8, 841. Кf8-h7, 842. Кf7-h8, 843. Кf8-h7, 844. Кf7-h8, 845. Кf8-h7, 846. Кf7-h8, 847. Кf8-h7, 848. Кf7-h8, 849. Кf8-h7, 850. Кf7-h8, 851. Кf8-h7, 852. Кf7-h8, 853. Кf8-h7, 854. Кf7-h8, 855. Кf8-h7, 856. Кf7-h8, 857. Кf8-h7, 858. Кf7-h8, 859. Кf8-h7, 860. Кf7-h8, 861. Кf8-h7, 862. Кf7-h8, 863. Кf8-h7, 864. Кf7-h8, 865. Кf8-h7, 866. Кf7-h8, 867. Кf8-h7, 868. Кf7-h8, 869. Кf8-h7, 870. Кf7-h8, 871. Кf8-h7, 872. Кf7-h8, 873. Кf8-h7, 874. Кf7-h8, 875. Кf8-h7, 876. Кf7-h8, 877. Кf8-h7, 878. Кf7-h8, 879. Кf8-h7, 880. Кf7-h8, 881. Кf8-h7, 882. Кf7-h8, 883. Кf8-h7, 884. Кf7-h8, 885. Кf8-h7, 886. Кf7-h8, 887. Кf8-h7, 888. Кf7-h8, 889. Кf8-h7, 890. Кf7-h8, 891. Кf8-h7, 892. Кf7-h8, 893. Кf8-h7, 894. Кf7-h8, 895. Кf8-h7, 896. Кf7-h8, 897. Кf8-h7, 898. Кf7-h8, 899. Кf8-h7, 900. Кf7-h8, 901. Кf8-h7, 902. Кf7-h8, 903. Кf8-h7, 904. Кf7-h8, 905. Кf8-h7, 906. Кf7-h8, 907. Кf8-h7, 908. Кf7-h8, 909. Кf8-h7, 910. Кf7-h8, 911. Кf8-h7, 912. Кf7-h8, 913. Кf8-h7, 914. Кf7-h8, 915. Кf8-h7, 916. Кf7-h8, 917. Кf8-h7, 918. Кf7-h8, 919. Кf8-h7, 920. Кf7-h8, 921. Кf8-h7, 922. Кf7-h8, 923. Кf8-h7, 924. Кf7-h8, 925. Кf8-h7, 926. Кf7-h8, 927. Кf8-h7, 928. Кf7-h8, 929. Кf8-h7, 930. Кf7-h8, 931. Кf8-h7, 932. Кf7-h8, 933. Кf8-h7, 934. Кf7-h8, 935. Кf8-h7, 936. Кf7-h8, 937. Кf8-h7, 938. Кf7-h8, 939. Кf8-h7, 940. Кf7-h8, 941. Кf8-h7, 942. Кf7-h8, 943. Кf8-h7, 944. Кf7-h8, 945. Кf8-h7, 946. Кf7-h8, 947. Кf8-h7, 948. Кf7-h8, 949. Кf8-h7, 950. Кf7-h8, 951. Кf8-h7, 952. Кf7-h8, 953. Кf8-h7, 954. Кf7-h8, 955. Кf8-h7, 956. Кf7-h8, 957. Кf8-h7, 958. Кf7-h8, 959. Кf8